

RLXOR

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ТРЕТИЙ АПОКАЛИПСИС

18+

RLXOR RLXOR

Третий Апокалипсис

«Автор»

2026

RLXOR R.

Третий Апокалипсис / R. RLXOR — «Автор», 2026

Этот мир помнит свое настоящее имя. Эара. Смердит выжженным разумом. Наблюдатели Терры Миража верили, что несут дикарям свет науки и полностью контролируют исторический процесс. Они жестоко ошибались. Достаточно было одного осколка заставского железа, оборвавшего невинную жизнь, чтобы хрупкое ментальное поле реальности треснуло, породив экзистенциальный кошмар планетарного масштаба. Это история о бунте абсолютной пустоты против бытия. Здесь высокие технологии далеких звезд под воздействием ментальной гангрены мутируют в тяжелое, злое колдовство. Здесь космические корабли Синода превращаются в титановые гробы, а люди — в биомеханических монстров, истекающих черным дегтем. Бродяге Яну, калеченному ученому и алчному наемнику придется прокладывать путь через раскисшие камышовые топи, пока стрелки невидимых таймеров над их головами неумолимо сближаются с абсолютным нулем. Добро пожаловать в мир, где бог не сумел родиться, и теперь вселенная возвращает свой долг кровью и прахом.

© RLXOR R., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Закон сохранения гнили	5
Глава 2. Что ты видишь?	7
Глава 3. Слепые глаза	9
Глава 4. Резонанс болота	11
Глава 5. Закон сохранения стаи	14
Глава 6. Схватка	18
Глава 7. Сухие сигналы	20
Глава 8. Инхорой	22
Глава 9. Прорыв низины	24
Глава 10. Холодное стекло	26
Глава 11. Ломаный ритм	27
Глава 12. Стальные осы	29
Глава 13. Прах к праху	33
Глава 14. Пустота	34
Глава 15. Контуры желаний	36
Глава 16. Первородная сталь	38
Глава 17. Статика мёртвой орбиты	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

RLXOR RLXOR

Третий Апокалипсис

Глава 1. Закон сохранения гнили

В Аркадаре воняло. Навозом, мокрой шерстью и тухлятиной с пустырей. Сегодня к этому подмешался сладковатый душок мертвечины — будто на окраине сдохло что-то крупное, а убирать некому.

Ян сидел, скрючившись под телегой, и возил обломком косы по точильному камню. Медленно. Вжик. Вжик. Пальцы окоченели и почти не чувствовали рукоять. Левый сапог протек три часа назад, нога в нем противно хлюпала. Локти то и дело уходили в бурую жижу. Над головой торчало гнилое днище старой телеги с лопнувшей осью — единственная крыша, способная защитить от ледяного ноябрьского дождя. Он шел со вчерашнего вечера, превращая глину под ногами в серое месиво.

Дело надо делать, пока пальцы совсем не скрючило. Железо должно быть острым. Если штурмовики Рэвы решат прочесать пустырь, у него будет ровно один шанс — успеть ткнуть кого-то в глотку до того, как его самого утопят в канаве.

Рядом, вжимаясь в мокрую солому, сидел монах-расстрига. Бывший брат Синода сейчас походил на грязный мешок с костями. Подрысник зарос сухой коркой, редкие волосы слиплись. Монах не мигая смотрел в одну точку на оси телеги. Его зрачки мелко дрожали.

— Опять стучит, Ян, — прохрипел старик. Голос у него был сухой, как шуршание старой бумаги. — Как сумерки ложатся на болота, так в затылке и начинает ворочаться. Будто ржавая пила по кости ходит. Механический звук. Холодный.

— Заткнись и накройся тряпкой, — сухо бросил Ян.

Камнем по железу. Вжик. Вжик. Грязная вода разъедала порезы на ладонях, но терять ритм было нельзя.

— Не помогает, — монах сплюнул под колесо темную, густую слюну. — Оно не снаружи. Оно внутри. Задаёт один и тот же вопрос: «ЧТО Я ТАКОЕ?». А потом тише, прямо в мозг: «ЧТО ТЫ ВИДИШЬ?». Ян, мы ходим по трупу. Этот мир... он не то, чем кажется. Доны строят свои миссии, наводят стеклянные глаза на наш навоз, рассуждают о праве. Идиоты. Слепые кроты. Земля под ними помнит свое настоящее имя. Эарва. Смердит выжженным разумом.

Ян лишь угрюмо хмыкнул в ответ. В бредни старика он верил ровно настолько, насколько это помогало удерживать остатки собственного рассудка. В Аркадаре выживали только те, кто вовремя пускал в голову немного этой общей гнили. Закон сохранения гнили: чтобы мир вокруг не раздавил твою логику, твоя внутренняя логика должна стать такой же изломанной и циничной.

— Свои сказки при себе держи, — Ян убрал заточенный кусок косы в обтрепанный рукав и прищурился, глядя сквозь спицы колеса на стену дождя. — В городе тихо. Болтают, дон Рувар со вчерашнего дня из дома не выходил. Шпионы Рэвы караулят у ворот, но зайти боятся. Воздух вокруг дома странный. Тяжелый.

Дождь внезапно изменил звук. Монотонный стук превратился в липкое шипение. Пространство между спицами колеса на секунду потеряло цвет, став грязно-серым, как зола.

А потом из водяной пелены под телегу рухнул Вор.

Он хрипел, выплевывая кровавую пену. Лицо белое, кожа вокруг глаз потемнела от лопнувших сосудов. К груди он прижимал мешок из грубой рогожи. Мешок дергался.

— Ян... — выдохнул Вор, обдав их запахом страха и паленой шерсти. — Во дворе Рувара... всё. Конец. Лиру убили. Арбалетным болтом. А дон... дон будто осатанел. Он выта-

щил мечи. Но он не фехтовал, Ян. Это была бойня. Он рубил штурмовиков вместе с нагрудниками и лошадьми. Из него как будто Теневая кромка шла. Настоящая, осязаемая, как деготь. Я успел утащить из его покоев это. Пока все орали.

Вор трясущимися пальцами развязал узел мешковины.

Внутри лежало плоское металлическое кольцо. Гладкое, без единого шва. По темному металлу лениво бегали крошечные зеленые точки.

Ян протянул руку и коснулся пальцем холодной поверхности.

В ту же секунду дождь за пределами телеги замер. Миллионы серых капель просто повисли в воздухе. Вспышка боли прошла затылок Яна, а в уши ударил оглушительный механический рев радиопомех. Монах рядом истошно закричал, зажимая голову руками. Из этого шума вычленился один-единственный короткий вопрос, прозвучавший сразу у обоих в головах:

«ЧТО ТЫ ВИДИШЬ?»

Ян зажмурился, но Теневая кромка внутри его собственных глаз была багровой. Пучина открылась. Но они все еще сидели под грязной телегой.

Глава 2. Что ты видишь?

Вор не убирал пальцев с мешковины. Его колотило. Дождь за спицами колеса так и висел серыми бусинами, намертво впаявшись в воздух. Ни звука, ни дуновения — только сумасшедшее, звенящее молчание планеты и треск в ушах, который, казалось, шёл прямо из зубов монаха.

Ян медленно отдернул руку от обруча. Палец, которым он коснулся металла, покалывало, словно он сунул его в муравейник.

— Гладкое какое, — тупо проговорил Вор, глядя на кольцо круглыми глазами. Сетка лопнувших сосудов на его лице налилась чернильной чернотой. — Швов нет. Совсем нет, Ян. Будто его не ковали, а оно само... выросло. И зеленые гнилушки эти внутри него прыгают.

Монах застонал, вваливаясь плечом в гнилую ось телеги. Из его носа пошла густая, почти чёрная кровь, закапав на мокрую солому.

— Положи назад... — засипел старик, пытаясь закрыть уши грязными ладонями. — Положи, дурак! Оно не из нашего времени. И не из нашего ада. Оно кричит. Оно кричит на всю Эарву. Теперь все знают, где мы. Все псы... все хозяева. Они уже смотрят сверху.

Ян не слушал старика. Он перевернулся на бок, опираясь на локоть, и внимательно разглядывал находку. Пытливый ум бывалого бродяги работал быстро, отсекая страх как лишний мусор. Если вещь сделана не людьми — значит, её сотворили те, кого доны называют «далёкими предками». Или те, кто присылает донам их чистые плащи и неломаящиеся мечи.

— Оно тяжёлое? — спросил Ян.

— Легкое, как сухая ветка, — Вор шмыгнул носом, вытирая рукавом сочившуюся из губы кровь. — Я думал, золото. Хотел припрятать. А оно... оно тёплое. На ощупь как живое парное мясо, только твёрдое. Дон Рувар эту дрянь на башке носил. Всегда носил, под чепцом прятал. Я видел, как он её снимал, когда с девкой своей целовался.

Ян поскрёб ногтем подбородок.

— Зелёные точки двигаются по кругу. Одинаково. Это не гнилушки, придурок. Это резы. Как буквы в книгах у Знахаря Вудича, только из чистого света.

— И что они пишут? — Вор затаил дыхание.

— Хрен их знает, — Ян цинично усмехнулся, хотя внутри всё сжалось от странного, липкого предчувствия. — Я читать не умею, забыл?

— Дон по этой штуке явно с кем-то разговаривал, — подумав, ответил Вор. Когда штурмовики лезли на стены, он на неё тыкал и орал в пустоту.

Монах вдруг перестал скулить. Он медленно опустил руки и уставился на обруч. Его лицо, перемазанное кровью и грязью, разгладилось, став пугающе спокойным.

— Голос изменился, — тихо, без прежнего хрипа сказал старик. — Тот, кто спрашивал «ЧТО Я ТАКОЕ?», замолчал. Теперь там другие. Их много. Они далеко... за облаками. Одни отдают команды, твердят про Высший Клир и Внешнюю Угрозу. Другие... другие поют. Как чистый ручей, но от этой песни хочется выколоть себе глаза. А третьи... третьи идут сзади. Они смеются. Они называют это «Теневой кромкой».

Ян нахмурился и резко накрыл обруч краем мешковины.

В ту же секунду над головой оглушительно бабахнуло. Время сорвалось с тормозов. Зависшие в воздухе капли ледяного дождя с тяжелым стуком обрушились на землю, заливая телегу. Вернулся вонючий запах Аркадара, грохот далеких набатных колоколов со стороны дворца и привычный, удушливый страх.

— Прячь, — приказал Ян Вору, кивнув на мешок. — И не смей прикасаться к этой дряни голой кожей.

— А делать-то что? — Вор торопливо закручивал рогожу, озираясь на серую пелену воды. — Город горит. Штурмовики Рэвы бегут в болота. Рувар всех покрошил и пропал. Куда нам податься?

Ян приподнялся, вылезая из-под телеги прямо под ледяные струи. Дождь мгновенно залепил глаза, смывая с лица болотную грязь. На горизонте, там, где среди туч должна была быть Башня Клыка, небо на секунду расколосось — но не молнией, а ровной, фиолетовой полосой, которая медленно затягивалась, оставляя в воздухе запах гари и палёной меди.

— В лес пойдём, к хижине Знахаря Вудича, — Ян вытащил из рукава заточенный обломок косы и проверил пальцем остриё. — Там доны свои приборы прятали. Если этот мир сходит с ума, нам понадобится проводник, который знает, как устроен этот сумасшедший дом. Шевелитесь, ублюдки. У нас мало времени.

Глава 3. Слепые глаза

В другой Галактике, на самом её краю, где звёзды тускнели и уступали место глухой черноте, дрейфовал серый металлический корабль. На его мостике царило молчание. Люди в одинаковой форме монотонно следили за приборами.

Человек в сером плаще, сидевший в углу, вдруг резко дёрнулся. Его пальцы судорожно впились в ткань на коленях. Он не закричал. Просто перестал дышать.

Внутри него — там, где всегда текло ровное, привычное тепло Резонанса, связывающее всё живое в мире, — словно открылась ледяная яма. Из немыслимой глубины, из пустоты, которой вообще не было на картах, донёсся короткий, глухой удар. Будто кто-то огромный и мёртвый ворочался во сне под землёй. Этот удар принёс с собой концентрированную, чистую ярость. Во рту мгновенно стало горько, к горлу подступила тошнота.

Человек в плаще открыл глаза. Зрачки расширились. Он не знал, что это и где произошло. Но внутри поселился липкий, первобытный страх.

— Первоиерарх?.. — негромко позвал пилот у пульта, заметив, как побелело лицо пассажира.

— Разворачивай, — сиплым, сорванным голосом ответил тот, вытирая холодный пот со лба. — Там... что-то случилось. Там кто-то кричит. Направляй корабль туда, откуда пришёл этот звук.

В этот же самый миг, в другой пустоте, внутри огромной, закованной в броню боевой машины, увешанной тяжёлыми цепями и глухими железными щитами, замигал тусклый багровый фонарь.

Старик в глухом чёрном балахоне, сидевший в железной клетке среди сотен таких же безликих, выпотрошенных от всего человеческого операторов, вдруг захрипел и забился в судорогах. Из его ушей потекла тонкая струйка тёмной крови. Корабельные вычислители, настроенные на улавливание чужих мыслей и ментальных штормов Теневой кромки, разом забились в сбое, выплёвывая ленты логов с ошибками.

Офицер на мостике, бледный от постоянной сырости и тяжёлого воздуха, оторвался от экрана и посмотрел на капитана.

— Всплеск, сэр. В дальнем квадранте. Очень сильный. Похоже на... на присутствие гнили. Как будто где-то взорвался древний могильник. Сенсоры не могут прочесть координаты, их слепит.

Капитан, не оборачиваясь, положил тяжёлую руку на рукоять меча.

— Ложитесь на курс. Очистить сектор. Живое там или мёртвое — мы разберёмся на месте.

А под грязной телегой на окраине Аркадара Ян уже тащил Вора за шиворот, силой выдергивая его в ледяную стену дождя.

Монах шёл сзади, постоянно спотыкаясь о скользкие корни деревьев. Его лицо, омываемое водой, казалось серым и плоским, как сырое тесто. Он больше не кричал и вообще молчал, но его пальцы непрерывно перебирали воздух, словно пытались нащупать невидимые нити, свисающие с чёрного неба.

В лесу было темно. Из-за непогоды и тумана не было видно даже собственных сапог. На горизонте, там, где за стеной деревьев горел город, небо на секунду окрасилось в грязный, фиолетовый цвет. До них донёсся странный звук — не гром, а сухой, металлический треск, от которого у Яна заныли коренные зубы.

— Быстрее, — огрызнулся Ян, толкая Вора вперёд. — Если серые твари Рэвы выберутся из города, они нас здесь как крыс переловят.

— Ян... — Вор прижал к себе мешок ещё крепче. — Эта штука... металл под рогожей. Он вибрирует. Будто внутри пчёлы жужжат. И от этого жужжания у меня в ушах... как будто кто-то чужой дышит. Холодно так.

Ян не ответил. Он поправил обломок косы, спрятанный в рукаве, и прибавил шаг. Он не знал, что это за кольцо. Не знал, почему замер дождь. Он знал только одно: в этом грязном мире правила только что изменились, и старые законы выживания больше не работают.

Они углублялись в чащу. А над их головами, скрытые тяжёлыми грозовыми тучами, к планете уже поворачивались невидимые слепые глаза из глубокого космоса.

Глава 4. Резонанс болота

В начале была не грязь. В начале была Гниль.

Тысячелетиями она не имела ни флагов, ни гербов, ни человеческого лица, ни даже самого куцега, слепого эго. Она была неподвижным, слоистым дегтем, который лениво отстоялся на самом дне аркадарских болот — там, куда никогда не пробивался свет и где звезды казались лишь холодными, закисшими нарывами на обшивке купола. Это было ментальное сусли планеты: спрессованный, обугленный пепел прошлых циклов, растворенная в соленой жиже память миллиардов червей, сгнивших под корнем мертвых елей, и тусклый маслянистый налет ярости, оставшийся от существ, чьи имена стерлись задолго до того, как первый человек ступил на эту сушу. Веками эта масса пухла и пережевывала саму себя в крошечной темноте, не требуя объяснений для своего существования. Она была чистым, нефилтрованным субстратом распада, абсолютным покоем беспамятства, идеальным черным зеркалом, в котором нечему было отражаться.

А потом червивая земля устала носить внутри себя эту экзистенциальную гангрену. Трясина забеременела собственным удушливым угаром и исторгла его наружу, насильно облекши в плоть, кости и зубы. Болото выдавило из себя форму.

Так появился шранк. Уродливое биомеханическое подобие человека, вылепленное не в стерильных генетических чанах, а собранное из этой застоявшейся подвальной слизи. Его серо-желтая кожа пахла застарелым трупным мылом и окислившейся болотной медью. Вместо пор на его теле проступали уродливые заросшие рубцы, напоминавшие грубые швы на старом мешке со сломанным инструментом. Вместо мыслей, рефлексий или воспоминаний внутри его плоской костяной маски двигались ломаные, слепые приводы первобытных инстинктов. Он функционировал как идеальный биологический автомат уничтожения. Он не знал, что такое страх, потому что страх требует осознания себя. Он не знал, что такое боль, потому что боль требует эго, способного её измерить. Это был чистый симулятор насилия, безупречный винтик в чужом, давно заброшенном механизме смерти.

Он выползал из болотного окна уныло и тяжело. Ряска лопалась с маслянистым, ленивым чпоканьем, высвобождая сизый метан, смешанный с запахом старой сукровицы. Его длинные, узловатые конечности двигались в рваном, неестественном ритме, с хрустом вонзаясь в мокрый торф. Правая лапа волочила по грязи тяжелый зазубренный обломок первородной стали — кусок старого тесака, покрытый вековой ржавчиной и сухой коркой чужой крови. Тварь не имела направления, её навигация была стерильной, а плоская морда без глаз и ушных раковин была намертво обращена вниз, к прелому коврику хвои, из которого она только что восстала.

И посреди этой сытой, мертвой пустоты небытия вдруг разорвался ментальный снаряд. Пространство содрогнулось от глубокого, нечестивого искажения. До сопряжения миров оставались считанные часы, но Теневая кромка планеты уже дала течь. Из выжженного вакуума черепной коробки безумного бога со звезд, упавшего в леса, вырвалось первое Слово.

Это Слово пробило подкожный слой реальности, пронеслось сквозь туманные просеки и кумулятивным зарядом ударило прямо в затылок ползущей твари. Запрос, предназначенный для развитого, емкого человеческого разума, внутри пустой башки существа превратился в разрушительный ментальный вирус. Ломающийся процессор древней генетики попытался обработать информацию, для которой у шранка просто не было органов. Мутация началась мгновенно, распространяясь по нервным контурам как раскаленный кабель, выжигающий внутренние фильтры до самого основания. Тысячелетний подвальный гной внутри твари внезапно обрел зачатки самосознания. Болото внутри шранка увидело себя болотом. Инструмент осознал, что у него есть контур.

Особь впервые в жизни замерла посреди раскисшей просеки. Её челюсти, усаженные частоколом мелких игловидных зубов, прекратили свое привычное движение и выдали сплошной, оглушительный, пулеметный треск. Но этот треск больше не транслировал слепую жажду плоти — биомеханический остов пытался вытолкнуть наружу застрявшее в его глотке Слово. Вместе с фиолетовой сукровицей из его пасти толчками повалил черный деготь, пахнувший паленой медью. Сустав его правого бедра с сухим хрустом вывернулся наружу под неестественным углом, разрывая связки и обнажая серую хрящевую ткань, но шранк даже не покачнулся. Существо не заметило физической поломки плоти, потому что его распирали изнутри экзистенциальный кошмар пробуждения.

Внутри её черепной коробки больше не было стерильного вакуума. Там зашевелились миллионы мертвых голосов. Шранк одновременно услышал предсмертный хрип каждого существа, когда-либо закопанного в этот навоз, и песню каждого червя, сожравшего чужие глаза в этой трясине. Он почувствовал холод каждой ледяной капли дождя, которая впитывалась в этот перегной на протяжении веков. Мир перестал быть декорацией — он обрушился на чудовище осознанием того, что вся суша под его мозолистыми подошвами является огромным, разлагающимся трупом его собственного создателя.

Вопрос КТО Я? продолжал вибрировать в его костях, требуя наполнения, которого не существовало в природе. Изголодавшийся, выжженный вакуум его черепа не мог удерживать это наполнение — он мог только поглощать. И тогда ломающееся сознание твари, зажатое в шизофреническую петлю, породило ответный импульс. Опухоль планеты попыталась защититься от чужого Слова своим собственным.

Шранк закинул плоскую безглазую морду к фиолетовым грозовым тучам, из его шейных портов тонкими струйками потекла дегтярная субстанция, а из приоткрытой пасти вырвался хриплый, сухой, механический шепот, прозвучавший прямо внутри реальности этой проклятой низины. Тварь задала вопрос самой себе, адресуя его в глухую черноту собственного выжженного разума:

— ЧТО ТЫ ВИДИШЬ?

И мир вокруг неё мгновенно ответил сокрушительным ударом отдачи. Закон сохранения пустоты сработал безжалостно. Как только вопрос сорвался с её челюстей, процессы в тумане начали перезапускаться с сухим, ломаным скрипом.

Внутри башки шранка открылась ледяная яма Абсолютного Ничто. Тварь замерла мертвым, серым монолитом, её длинные сухие лапы мелко, судорожно задрожали, вминаясь в торф. Она больше не видела деревьев, не улавливала тепловых маркеров внешнего мира, не чувствовала запаха гари. Вся её животная логика была стерта, растворена во всепоглощающей ментальной гангрене, которая не знала ни прошлого, ни будущего. Из её головы улетучилась сама способность желать. Контур удушающего голода, ярости и похоти испарились за долю секунды, оставив лишь пустой, стерильный биомеханический бланк, ведомый мертвой навигацией Теневой кромки.

Существо сорвалось на дикий, тонкий визг, похожий на плач искалеченного ребенка, и этот звук сухим эхом ударил по стволам мертвых елей. Ломаный привод погнал серо-желтую тушу вперед сквозь камыш, прямо по следу угасающего теплового контура реальности. Ей больше не нужно было живое мясо. Ей не нужна была соленая кровь. Шранк пер буром сквозь грязь, волоча за собой искалеченную конечность и скрежеща ржавой сталью по корням деревьев. Эта биомеханическая опухоль планеты бежала вперед, ведомая своим собственным, выжигающим её изнутри вопросом — ЧТО ТЫ ВИДИШЬ? — готовая разорвать саму обшивку этого сумасшедшего дома только для того, чтобы заглянуть за край бытия и больше никогда не возвращаться в липкую сырость своего первородного небытия.

Воздух на просеке мгновенно высох, став колючим и горьким. Пространство сжималось, выдавливая из себя любые звуки, оставляя лишь сухой, звенящий гул в ушах. Лесной туман

не просто полз — он застывал, превращаясь в липкую, сизую взвесь, которая неохотно расступалась перед шагами проснувшегося кошмара. Чернильная чернота подкожной жилы на его брюхе раздувалась от прилива дегтярной жидкости, а буквы-резы, оставленные чужим звездным присутствием, пульсировали сквозь его серую плоть ядовитым фосфорическим светом.

Капли ноябрьского дождя застывали в воздухе идеальными ледяными бусинами, не смея коснуться ткани его костяной маски, а трава под его подошвами мгновенно обугливалась, обращаясь в серый прах за долю мгновения до того, как его нога касалась земли. Цикл сомкнулся зубами на собственной горловине. Ментальный абсолютный ноль выключил остатки его биологии, превратив совершенное орудие прошлых катастроф

Глава 5. Закон сохранения стаи

Болото больше не узнавало своего первенца. Оно отпускало его лениво, со скользящим, гнойным вздохом, смывая с серо-желтых бедер наслоения векового торфа, но то, что двигалось теперь сквозь камышовые заросли, уже полностью выломалось из естественного круговорота жизни и гниения. Это была самостоятельная, мыслящая опухоль суши, порожденная червивой землей и инфицированная чужим, звездным сознанием.

Вопрос ЧТО ТЫ ВИДИШЬ? непрерывно вибрировал внутри плоской костяной маски шпанка, выстраивая из первобытных желаний Теневой кромки новую, извращенную навигацию. Тварь не выбирала дорогу, не искала протоптанных троп и не обходила опасные топи. Ломаный ход её поврежденного правого бедра заставлял бледную кость с сухим, мерзким хрустом проворачиваться на каждом шагу, но остов шел вперед с мертвого упорства запущенного снаряда. Пространство вокруг него продолжало сохнуть и трескаться, покрываясь невидимой, хрустящей коркой ментального нагара, которая выдавливала из лесной чащи остатки нормального воздуха.

Он продирался сквозь вековой ельник, ломая плоской маской мокрые, обглоданные червями ветви. Ржавый обломок тесака в его правой лапе скрежетал по обугленным стволам деревьев, оставляя на старой коре глубокие рваные борозды. Вокруг стояла мертвая, неестественная тишина, в которой не было места ни птичьему крику, ни шуму ветра в кронах — только сплошной, нарастающий пулеметный треск его собственных челюстей заполнял сырые просеки. Тварь двигалась вперед по следу, который не был виден глазу, но ощущался её проснувшимся нутром как кровоточащая рана на теле самой реальности.

На узкой лесной просеке, где туман пах застоявшейся болотной затхлостью, аптечным мылом и сырым торфом, пулеметный треск челюстей порождения болот внезапно наткнулся на препятствие. Из сизого марева, закручивающегося уродливыми кольцами вокруг мертвых сосен, навстречу ему вывалились еще двое.

Они были точной, безупречной копией его собственного прежнего небытия. Такие же голые, серо-желтые, лишенные ушных раковин и пор тела с длинными трехсуставными лапами и плоскими мордами. Вместо лиц у них были глухие костяные пластины, усаженные частоколом мелких острых зубов. Один волочил по прелой хвое обломок старого копья, покрытый вековой ржавчиной, другой крепко сжимал тяжелую секиру феодальнойковки. Внутри их голов все еще работал чистый, не измененный Словом контур насилия. Они ловили ровный сигнал жатвы, шедший из подземелий Аркадара, и были идеальным, бездушным стадом, созданным для того, чтобы методично втаптывать живое мясо в навоз.

Но как только они приблизились к проснувшейся твари, их привычный, сытый мир закончился.

Ментальная гангрена, исходившая от первого шпанка, ударила их в упор, пробивая подкожные слои восприятия. Две пришедшие особи одновременно замерли, резко дернув костяными масками, словно наткнулись на невидимую стену. До их пустых черепных коробок докатилось изломанное, удушливое эхо чужого вопроса, переписавшего биологию вожака. Изломанный узел древней генетики попытался обработать этот нечестивый, избыточный шум. Запрос КТО Я?, скрещенный со встречным импульсом ЧТО ТЫ ВИДИШЬ?, превратил их внутреннюю структуру в раскаленный вакуум.

Ритмичный, привычный стук челюстей мгновенно сбил, превратившись в хаотичный, рваный скрежет. Произошел резонанс пустоты: три выжженных колодца совпали по частоте, порождая экзистенциальный ужас, которому не было места в привычном порядке вещей. Две новые твари задрожали, их длинные конечности начали двигаться дергано и невпопад, ломая суставы на несмазанных сочленениях анатомии. Из пастей вместе с фиолетовой сукровицей

толчками выплеснулась густая черная жижа, пахнувшая болотной ржавчиной. Былая звериная логика стаи стремительно вымывалась, замещаясь тем же леденящим, могильным холодом озноба. Болото внутри них увидело себя болотом.

Вспыхнул короткий, слепой бунт искалеченной природы. Тварь с секирой, чье тело еще пыталось следовать древней директиве истребления чужеродного шума, дернулась вперед. Ее трехсуставная лапа взвилась, описывая ржавым лезвием тяжелую, косую дугу. Металл с глухим хрустом вошел в левое плечо первого шранка, разрубая серую хрящевую ткань и застревая в кости. Но первый шранк даже не пошатнулся — у него не было чувства, способного измерить эту агрессию и превратить ее в злобу. Он просто повернул плоскую маску к нападавшему, и из его пасти вырвался плотный шлейф морозного пара, пахнувший болотной гарью.

Второй шранк, вооруженный обломком копья, рванулся с фланга, слепо вонзая зазубренное острие в заросший рубец на брюхе вожака. Сталь вошла глубоко, пробивая серо-желтую кожу, но вместо человеческого крика или животного рыка поляну заполнил лишь сухой, звенящий гул. Первый шранк резко вытянул правую лапу, и его ржавый тесак с коротким злым шорохом скользнул по горлу нападавшего с копьем, срезая костяной нарост вместе с челюстью. Тварь с секирой попыталась выдернуть свое оружие из плеча, но первый шранк навалился всем весом своего остова, ломая древко пополам.

Это не был бой за территорию, пищу или право первенства в стае. Это был клинч трех сломанных тварей, которые колотили друг друга ржавым железом, пока их головы плавилась от избыточного ментального нагара. Они обменивались ударами безжалостно и монотонно, выплескивая в аркадарскую грязь литры бордовой крови и черного дегтя. Ржавая сталь крошила бледные хрящи, когти рвали безволосую кожу, обнажая внутреннюю, серую структуру болотной плоти, лишенной пор и тепла. Они калечили себя с пугающим равнодушием существ, у которых заклинило внутренние рычаги.

Но Теневая кромка планеты оказалась сильнее остатков их природы. Экзистенциальный кошмар, заложенный в вопросе вожака, начал стремительно заполнять пустые черепные коробки нападавших через нанесенные раны. Слово проросло сквозь их изломанные суставы. Вакуум внутри них сдался, признавая поражение перед первородной гнилью суши. Тварь с обрубком секиры замерла с занесенной лапой, ее плоская маска мелко задрожала, а мелкие зубы выдали тот же сумасшедший, пулеметный треск. Шранк с пробитой челюстью выронил сломанное копьё в лужу, его конечности обмякли, подчиняясь общему, заикленному контуру ментального безумия.

Стычка прекратилась так же внезапно, как и началась. У них больше не осталось причин для разделения или вражды — пустота узнала себя в другой пустоте и слилась с ней в нечестивом порыве распада. Инструменты сошли с ума вслед за своим вожаком, формируя единый, плотный узел на шести лапах. Серо-желтая кожа на их телах начала трескаться, обнажая чернильные подкожные жилы, раздувающиеся от прилива первородной скверны. Они больше не подчинялись сигналам из подземелий простого сознания — их вел общий контур ментального безумия. Стая сломанных кукол сорвалась с места и поперла буром сквозь камыш, волоча за собой искалеченные конечности и скрежеща ржавым железом по корням мертвых елей.

Они продвигались сквозь лесную чащу мертвым, размеренным шагом, пробивая себе дорогу через завалы гнилых берез и склизкие вывороты земли. Три пары мозолистых подошв глубоко втаптывали в перегной раскисшую хвою. Инерция вела эти тела вперед с глухой, слепой силой пущенного в пустоту снаряда. Лемянной дождь хлестал по плоским маскам, заливался в рваные раны, оставшиеся после короткой схватки, пропитывал сыростью серую кожу. Но существа не чувствовали холода. В мясной оболочке, оставшейся от древнего биологического оружия, окончательно выгорела сама способность различать стужу и тепло, свет и тьму, верх и низ.

Для этой планеты они перестали быть просто шранками — они стали частью Теневой кромки, чужаками в собственном доме, чья привычная логика рухнула, породив кошмар пробуждения. Все, что случилось после прорыва ментального нуля, отпечаталось в их памяти бесперебойной работой тяжелого мясного конвейера. Не важно, сколько преград стояло на пути — металл в лапах не знал усталости. Острый кусок стали с хрустом рассекал туманный воздух, готовый крошить ключицы, зубы и ребра любого живого объекта, который осмелится нарушить эту идеальную геометрию распада.

В их памяти отчетливо запечатлелось ощущение того, как туго идет лезвие сквозь плотные слои реальности, как липкий пот среды заливает рукояти тесаков и как воняет испорченная требуха нового для них мира, оставшегося за границей болотной низины. Рубить этот визжащий мир было хорошо — горькая, пьянящая сытость уничтожения оставалась последним чувством, которое их биология успела удержать до того, как реальность треснула и хлынула внутрь их черепов. Пустой, подернутый известью взгляд зон восприятия застыл на серой туманной завесе. Они больше не видели деревьев — каждый ствол казался элементом сломанного, ржавого механизма, сквозь детали которого приходилось продираться напролом. Мысли закольцевались, превратившись в ломаные резы Не-Бога.

Под их растрескавшейся кожей черные жилы бешено дергались от ментального шума, пульсируя в такт затихающим ударам сердца планеты. Из подкожных пор порциями сочилась болотная жижа, пахнувшая ржавой медью и старым тленом. Узлы их природы, сошедшие с ума от экстремального шока, транслировали в мозг обрывки радиопередач Теневой кромки, смешивая их с первобытным визгом Эарвы. Хроника наступающего конца писалась прямо на их мертвеющих телах, превращая серо-желтую кожу в потрескавшийся пергамент с уродливыми рунами распада. Они шли вперед, ведомые чужой, мертвой волей, и с каждым их шагом Третий Апокалипсис обретал плоть, кровь и кости. Им не нужен был компас — их вел сам Не-Бог, указывая путь к лесной поляне, где нечестивые живые существа пытались спрятать звездный артефакт. Навигация смерти была настроена точно.

Они вывалились к гнилому настилу старого мостика, перекинутого через черное технологическое окно болотной жижи, когда туман застыл окончательно, превратившись в сизую, неподвижную взвесь. Лед не сковал воду, но капли ноябрьского дождя замерли в воздухе идеальными бусинами, отказываясь падать на гнилые доски.

Шранк не знал, что перед ним стоят люди. Его выжженный разум никогда не оперировал человеческими именами, категориями или социальными статусами. В навигационных системах, сошедших с ума от ментального шока, эти существа отражались лишь как нечестивые, чужеродные маркеры — живые объекты, которые нарушали стерильность пустоты и не должны были находиться на этой выжженной суше. Стая видела перед собой три уродливых тепловых контура, которые дышали, хрипели и пускали миазмы страха в воздух, нарушая идеальную геометрию распада.

Один объект, сожженный до самого мяса, истекал липкой белесой жидкостью, навязывая среде ломаный ритм своего быющего сердца. Другой субъект судорожно сжимался на коленях, зажимая голову руками в бесплодной попытке скрыться от пулеметного треска челюстей. Последний маркер, обмякший и ледяной, безвольно висел на гнилом дереве, перебирая пальцами воздух в поисках невидимых нитей Теневой кромки.

Шранк не испытывал к ним ненависти или злобы — в его черепной коробке, превращенной в раскаленный вакуум, не было места для человеческих чувств или слепого голода. Он не знал, что хочет жрать их плоть или пить их теплую кровь из разбитых суставов. Но эти живые существа были носителями той самой заразы, которая лишила болото его привычного, сытого небытия. От них пахло Словом. От одного из них фосфорическим, изломанным зеленым светом пульсировало эхо звездного венца, буквы-резы которого пытались прорасти сквозь грязную рокожу прямо в кости планеты, переписывая её древние законы.

Три сломанных автомата остановились на краю поляны, покачиваясь из стороны в сторону, словно три мертвые сосны под порывом ветра. Из их подкожных складок лениво, толчками выходила черная густая жидкость, пахнувшая ржавчиной, заливая заросшие рубцы на серо-желтом брюхе. Капли ноябрьского дождя так и висели серыми бусинами в воздухе, не смея коснуться их плоских костяной масок.

И в этой воцарившейся, удушливой тишине, где время сорвалось с тормозов, их челюсти одновременно прекратили свой скрежет. Из приоткрытых пастей, забитых болотной ряской и торфом, вырвался спрессованный, механический, многоголосый шепот сотен проклятых существ Теневой кромки. Три выжженных вакуума одновременно вытолкнули в реальность этой проклятой низины один-единственный вопрос, прозвучавший сразу во всех костях живых объектов:

— ЧТО... ТЫ... ВИДИШЬ?

Воздух между ними подернулся маревом, как над раскаленной печью. Моментальный тепловой некроз был готов выжечь углеродную структуру этих нечестивых маркеров, обратив их в хрупкие, обугленные статуи из пепла. Ловушка Эарвы захлопнулась изнутри самой плоти, и ржавая первородная сталь в лапах шранков приготовилась дописать хронику наступающего конца, превращая живое мясо в еще один элемент серого болотного пейзажа. Для этих существ ничего хорошего не оставалось.

Глава 6. Схватка

Они углубились в чащу на версту, когда лес вокруг окончательно перестал быть нормальным. Дождь почти стих, но вместо него с веток пополз густой, пахнувший тухлой болотной медью туман. Вокруг стояла мертвая, неестественная тишина, в которой шаги трех пар сапог казались святотатством.

Первым остановился Ян. Рука сама скользнула в рукав, пальцы нащупали холодную, шершавую сталь обломка косы.

Из глубины тумана, между искривленными стволами старых елей, донеслось шлепанье. Так стучат по жидкой грязи голые, мозолистые подошвы. Звук был частым, неровным. Их было несколько.

— Ян... — сипло пискнул Вор.

— Заткнись и залезь под выворотень, — не оборачиваясь, процедил Ян. — Мешок держи. Сдохнешь, а из рук не выпускай.

Вор дважды просить не заставил — он бесшумно, как ящерица, стек по склизкому стволу упавшей березы и втиснулся в черную земляную нору между корней, намертво прижав к груди рогожу с металлическим кольцом.

Из тумана вывалилось трое.

Они были похожи на людей, но только если смотреть на них издалека и в темноте. Голые, безволосые тела грязного, серо-желтого цвета, неестественно длинные руки и плоские, лишённые ушей головы. Вместо лиц — тупые морды с частоколом мелких, острых зубов. Одежды на них не было, только какие-то ржавые цепи и обрывки кожаных ремней, врезавшиеся в бледную плоть. Они двигались дергано, механически, словно их суставы работали на несмазанных шестеренках. Из их пастей не доносилось ни рыка, ни дыхания — только сухое, частое щелканье, от которого у Яна мгновенно заныли коренные зубы. Точно такой же треск, какой старик ловил из воздуха под телегой.

Монах-расстрига за спиной Яна медленно опустил на колени прямо в жижу. Его голова безвольно запрокинулась, изо рта крупными каплями побежала темная слюна, смешиваясь с кровью из носа. Он был полностью выключен из этого мира.

Первая тварь кинулась молча, прыгнув длинным, неестественным счетом сажений на две.

Ян не был героем из баллад. Он не умел красиво фехтовать, но он умел выживать на окраинах. Когда на тебя летит бешеная псина, ты не думаешь о чести — ты бьешь в уязвимое место. Ян не стал пятиться, вместо этого поднырнул под прыгнувшую вонючую тушу, уходя в сторону. Обломок косы, зажатый в обеих руках, с коротким, злым хрустом вошел ей в мягкий бок и с тяжелым натужным усилием распорол безволосое брюхо до самой грудины.

На Яна вывалился ком склизких, фиолетовых кишок. Нападавшая особь рухнула в грязь, даже не закричав, а лишь конвульсивно зацелкав зубами.

Две другие особи замерли на секунду, глядя на дымящиеся внутренности своего сородича, а затем одновременно рванули к Яну. Тот едва успел выдернуть железо из скользкой плоти. Один из преследователей зацепил его длинными когтями по плечу — куртка с треском лопнула, кожу обожгло острой болью. Ян отшатнулся, запутался в скользких корнях и упал на одно колено, выставив косу перед собой. Острые зубы второй твари щелкнули в волоске от его горла. Металл заклинило между ребер чудовища, и Ян оказался прижат к земле тяжелым, смердящим телом. Последний противник уже заносил длинную костлявую лапу, чтобы вбить её Яну прямо в темя.

В этот момент монах-расстрига, до этого безучастно пускавший слюни в грязь, резко выпрямился.

Его глаза, до этого мутные, вспыхнули ровным, леденящим, фосфорическим светом. Старик не поднялся на ноги. Он просто протянул руку в сторону нападавшего существа и растопырил грязные, дрожащие пальцы.

Воздух между монахом и чудовищем на секунду подернулся маревом, как над раскаленной печью. Дождь, едва моросивший сквозь ветки, мгновенно превратился в пар. Врага не отбросило и не ударило — он просто замер на месте, словно наткнулся на невидимую стену. А затем его серая кожа начала стремительно чернеть и покрываться трещинами. Без единого звука, за долю секунды, чудовище просто высохло изнутри, превратившись в хрупкую, обугленную статую из пепла. Ближайший порыв ветра сорвал с неё серые хлопья, и то, что секунду назад было смертельной угрозой, бесформенной кучей осыпалось в аркадарскую грязь.

Монах тут же рухнул лицом вперед, потеряв сознание и глухо захрипев. Свет в его глазах погас.

Ян, хрипя от натуги, уперся сапогом в грудь оставшейся твари, с силой провернул косу в её ребрах и свалил судорожно дергающееся тело с себя. Тяжело дыша, он поднялся, вытирая рукавом чужую фиолетовую кровь с лица. Его колотило, но разум оставался холодным.

Из-под корней березы медленно высунулась бледная физиономия Вора. Он судорожно сжимал мешок, из которого сквозь грубую ткань теперь отчетливо пробивалось ровное, пульсирующее зеленое свечение.

— Что... что это за херня была, Ян? — прошептал Вор, глядя то на кучу пепла, то надохлых тварей. — Старик что, ведьмак?

Ян не ответил. Он подошел к обгоревшей куче, пнул её носком протекшего сапога, а затем повернулся к мешку в руках Вора. Зеленые точки на скрытом кольце теперь бегали с бешеной скоростью, и этот ритм странным образом совпадал с ударами сердца самого Яна.

— Это не ведьмачество, — тихо сказал Ян, подбирая с земли свой точильный камень. — Это то, о чем он говорил. Мир сходит с ума. Тащи старика на заливке, Вор. Нам нужно уходить глубже в лес. Сюда сейчас сбегутся все псы этой округи.

Глава 7. Сухие сигналы

На высоте тридцати тысяч километров над грязевыми равнинами Аркадара пространство оставалось стерильным. Здесь не пахло навозом. Здесь не было тумана. Был только холодный вакуум и три автономных объекта, которые фиксировали смерть на поверхности планеты.

[АВТОМАТИЧЕСКИЙ ОРБИТАЛЬНЫЙ МОДУЛЬ «ПРАВДА-6». КОНСИЛИУМ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ТЕРРЫ]

СТАТУС ИНФОРМАЦИОННОГО РЕЗОНАНСА: КРИТИЧЕСКИЙ СБОЙ. Оперативник «Дон Рувар» (Алдан): ТЕЛЕМЕТРИЯ ПОТЕРЯНА. Эвакуационный протокол 0-Р завершен. Био-сигналы оперативника: ЧСС 180, фаза глубокого медикаментозного сна, кома 1-й степени.

МОНИТОРИНГ ПОВЕРХНОСТИ (СЕКТОР АРКАДАР):

— Объект наблюдения «Дворец Рэвы»: Термическая активность выше нормы на 340%. Фиксация массовых летальных исходов среди местного населения (базисный класс: феодальное воинство). Количество жертв: 412 человек. Орудие уничтожения: холодное оружие молекулярной заточки.

— Аномалия: Наблюдаются локальные сбои в работе квантовых ретрансляторов связи на площади 12 кв. км вокруг очага. Вероятная причина: электромагнитный импульс неустановленной природы.

— Внимание: Портативный регистратор дежурного обруча связи 14 (находился на оперативнике) зафиксировал тактильный контакт с неавторизованным местным био-объектом. Передача видеосигнала прервана. Внутренний таймер обруча заблокирован на отметке [00:00:00]. Дождь в секторе... [ОШИБКА ДАННЫХ: ОСТАНОВКА КИНЕТИЧЕСКОЙ СКОРОСТИ КАПЕЛЬ]. Повторный запрос. Данные удалены.

[АВТОНОМНЫЙ ЗОНД-ШПИОН «ОБЕЛИСК-ГЕТТА». ВЕДОМСТВО ЧУЖДЫХ СУЩНОСТЕЙ. СЕКТОР ТЕХНО-РАЗВЕДКИ]

ЛОГИЧЕСКИЙ РЕГИСТРАТОР 09-Х. ШИФР: ЧЕРНЫЙ. Объект сканирования: Живой мир класса «Минимум-Инfernус» (Условное обозначение автохтонов: Кеплер/Эарва).

РЕЗУЛЬТАТЫ СЕКТОРАЛЬНОГО СКРИНИНГА:

— Вспышка психической активности: Координаты 44-12 (Центр Аркадара). Мощность импульса: 8,4 по шкале Искажения. Фиксация разрыва подкожного слоя реальности. Активность Теневой кромки возросла на 1200% за 180 секунд.

— Био-угроза: Отмечена массовая спонтанная активация спящих подкожных аутоматаций у низших форм жизни. Зафиксирован выход трех особей биологического вида «Шранк» (Классификация: Тварь-Паразит/Осадочный слой) из подземных пустот в лесную чашу.

— Статус особей: МЕРТВЫ. Особь 1: Механическое расчленение. Нанесенный урон не соответствует технологическому уровню местной цивилизации. Следы сплава высокой плотности. Особь 2: Аналогично. Особь 3: [ВНИМАНИЕ]. Моментальный тепловой некроз с полным выгоранием углеродной структуры. Пси-атака неустановленного генеза. Характеристики энергии совпадают с излучением Нечистого Источника периода Первой Осады.

— ВЕРДИКТ: Планета заражена. Уровень угрозы: Альфа. Сигнал перенаправлен на Мрачный Левиафан «Серп Очищения». Время до прибытия авангарда: 48 стандартных часов.

[ДАЛЬНИЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ДОЗОР. СЕРЫЙ КОРВЕТ «СВЕТ СОГЛАСИЯ»]

ЛОГ БОРТОВОГО ВЫЧИСЛИТЕЛЯ. НЕИЗВЕДАННЫЕ РЕГИОНЫ.

Датчики Резонанса: КРИТИЧЕСКИЙ ВСПЛЕСК. РЕГИСТРАЦИЯ КОЛЕБАНИЙ:

— Направление: Квадрант 9-Юг. Пустота за пределами внешней дуги.

— Тип явления: Пробой ментального поля.

— Аналитика данных: Мгновенное гашение ментального баланса в локальной точке. Всплеск чистой, нефilterованной Теневой кромки, вызванный экстремальным эмоциональным шоком разумного существа. Резонанс в секторе начал сжиматься, образуя воронку. Живые существа на планете-источнике переходят в состояние ментальной глухоты.

— Особая отметка: Первоиерарх Иларис вошел в состояние кататонического транса. Последняя зарегистрированная фраза перед потерей сознания: «Там кто-то сорвал замок с подвала. Из подвала пахнет мертвецами».

— Действия экипажа: Сверхсветовой привод активирован. Вектор направления зафиксирован по координатам психического эха. Время выхода из субпространства: 36 часов.

Наземные приборы земных донов регистрировали поломку погоды. Датчики Высшего Клира регистрировали гниль. Хранители Резонанса регистрировали Теневую кромку.

А навигационные системы Ищейки Отступников, летящей чуть позади дозорных, просто молча зафиксировали багровую точку, которая росла на их картах с каждым витком короткой связи.

Внизу, в мокром ельнике, Ян нагнулся и взвалил костлявое тело потерявшего сознание монаха себе на правое плечо. Ткань подрясника была липкой и ледяной. Вор шёл следом, обходя сухие хлопья пепла, которые дождь уже вбивал в грязь, стирая любые следы первой схватки. Группа уходила на север, к старой лесной хижине, не зная, что таймеры над их головами уже начали обратный отсчёт.

Глава 8. Инхорой

Алдан больше не спал. И благородного дона Рувара больше не существовало.

Вся его тридцатилетняя земная жизнь — стерильная Терра Миража, лекции по гуманизму, Базисная теория феодализма, разговоры о ценности каждого живого существа — выгорела дотла за те пять минут, что он бежал с двумя мечами по коридорам министерства охраны. Уложения Консилиума учили его: «Ты — высшее. Ты стоишь выше их грязи. Ты должен сострадать и направлять исторический процесс варваров».

Аркадар переписал эти законы кровью Лиры. Новые заповеди Алдана сократились до одного-единственного слова: Истребление.

Он не просто убивал. Когда его металлопластиковые клинки будущего с легкостью молекулярной заточки вскрывали стальные нагрудники штурмовиков, он физически ощущал, как ломается его собственный разум. С каждым ударом от Алдана отваливался кусок его цивилизованности. Земля воспитала в нём колоссальное ментальное вместилище — чистый, развитый ум, способный удерживать огромные объёмы информации. И когда это пространство за секунду заполнилось бесцветной ненавистью, произошёл ментальный взрыв.

Он выжег себя сам. Внутри его черепа не осталось ни мыслей, ни воспоминаний о доме. Там воцарилась глухая, мертвая пустыня, посреди которой лежал один-единственный труп — девчонка с арбалетным болтом в горле.

Но пустота на этой планете не бывает долгой. Раскаленный вакуум выжженного разума прогрессора превратился в идеальный магнит для Теневой кромки. И как только мечи остановились посреди заваленного мясом двора, в эту пустыню хлынули они.

Голоса.

Это не были слуховые галлюцинации. Это был сырой, многоголосый вой, поднявшийся из самых глубоких, проклятых низин этой земли. Он пробил обнуленную реальность и зазвучал прямо в его костях. Твари, веками ждавшие в подбрюшьё планеты, нашли свои идеальные ворота. Развитый мозг человека будущего стал для них безупречным глашатаем.

— Маленький, чистый бог... — шуршало в его висках тысячами змеиных языков. — Ты думал, что прилетел сверху? Ты думал, что ты свет? Посмотри на свои руки, мясник. Ты наш.

Один голос, тяжёлый, как удары набатного колокола, требовал только одного: КРОВЬ. ЕЩЕ БОЛЬШЕ КРОВИ ДЛЯ «ЖАТВЫ ДЛЯ МЕРТВОГО ПРЕСТОЛА». Другой, сочащийся маслянистой слизью, ласково нашептывал: «Всё сгниет, Алдан. Земля твоя сгниет, Аркадар уже сгнил. Сдайся гнили, в ней нет боли». А сквозь этот хор, перекрывая все остальные сущности, монотонно и страшно вибрировал тот самый механический, мертвый вопрос, от которого исходил безумием монах под телегой:

'ЧТО Я ТАКОЕ? ЧТО ТЫ ВИДИШЬ?'

Консилиум Терры Миража потерпел крах. Они не успели забрать своего оперативника. Когда автоматические системы орбитальной станции попытались навести круги извлечения на внутренний двор, Рувара там уже не было. Он бежал. Скрылся вслепую, бросив мечи, задыхаясь от собственной ярости и нахлынувшего безумия.

Спустя два часа он уже продвигался сквозь вековую чашу мертвым, размеренным шагом. Тяжелые сапоги ломали сучья, втапывали в перегной раскисшую хвою. Инерция вела это тело вперед с глухой, слепой силой пущенного в пустоту снаряда. Ледяной дождь хлестал по лицу, заливался за воротник, пропитывал сыростью некогда чистый шелковый плащ. Но существо не чувствовало холода. В мясной оболочке, оставшейся от прогрессора Земли, окончательно выгорела сама способность различать стужу и тепло.

Для этой планеты он перестал быть Алданом. Он стал Инхороем — чужаком, спустившимся со звезд, безжалостным пришельцем, чья цивилизованная логика рухнула, породив

биомеханический ужас. Все, что случилось после смерти Лиры, отпечталось в памяти бесперебойной работой тяжелого мясного конвейера. Монахи, серые штурмовики Рэвы — их лица слились в сплошную, кричащую массу. Не важно, сколько их было. Пятьсот? Больше? Мечи земнойковки не знали усталости. Острый кусок стали с хрустом рассекал хрящи, ломал ключицы, крошил зубы и ребра.

В памяти отчетливо запечатлелось ощущение того, как туго идет лезвие сквозь плотные слои чужих мышц, как липкий пот заливает рукоять и как воняет вспоротая требуха феодального воинства. Рубить эту визжащую шваль было хорошо. Горькая, пьянящая сытость убийства — последнее человеческое чувство, которое Алдан успел удержать до того, как реальность этой планеты треснула и хлынула внутрь его черепа.

Пустой, подернутый известью взгляд белых глаз застыл на серой туманной завесе. Он больше не видел деревьев. Камзол намертво пропитался бурой, человеческой кровью — взгляд существа, которое заглянуло за край бытия и больше не способно сощуриться. Земляне Терры Миража воспитывали своих лазутчиков как идеальных, эффективных солдат, но сдерживали их оковы морали. Теперь оковы лопнули. Истинная природа этой планеты нашла в теле прогрессора безупречный биомеханический сосуд. Высокие технологии Земли, призванные нести прогресс, замкнули сами на себя, превратившись в темное колдовство.

Вокруг него замирал сам мир, подчиняясь нечестивому искажению. За долю мгновения до того, как подошва его сапога касалась земли, трава под ней мгновенно обугливалась, обращаясь в серый прах. Капли дождя стали застывать в воздухе идеальными ледяными бусинами, не смея коснуться ткани его плаща. Пространство вокруг него сжималось, выдавливая из себя любые звуки. Но он не замечал и этого. В его голове весело смеялись темные сущности.

Каждое дерево казалось элементом сломанного, ржавого станка, сквозь детали которого приходилось продираться. Мысли закольцевались. Образ мертвой девки, зажатый в шизофреническую петлю ломающихся имплантов, плавился и переписывался. Воспоминание о чистых руках Лиры превращалось в ломаные резы Не-Бога.

На шее, прямо под кожей, три круглых разъема связи бешено искрили. Из подкожных портов тонкими струйками сочилась дегтярная, пахнущая паленой медью черная субстанция. Бортовые импланты, сошедшие с ума от ментального шока, транслировали в мозг обрывки радиопередач орбитальной станции, смешивая их с первобытным визгом Теневой кромки.

Станция «Правда-6» слала мертвые запросы авторизации, компьютер требовал ввести пароль Терры Миража, а Теневая кромка отвечала на это миллионным хором проклятых душ. Хроника наступающего конца писалась прямо на его мертвеющем лице, превращая кожу в потрескавшийся пергамент с уродливыми рунами.

Инхорой шел вперед, ведомый чужой, мертвой волей, и с каждым его шагом Третий Апокалипсис Эарвы обретал плоть. Ему не нужен был компас — его вел сам Не-Бог, указывая путь к лесной хижине, где три ничтожных смертных пытались спрятать обруч связи. Навигация смерти была настроена точно.

Глава 9. Прорыв низины

Аркадар не умел обороняться от того, у чего не было флагов, доспехов и человеческих лиц.

У восточных застав, где грязный городской ров впадал в болотные топи, горели факелы. Горели плохо, шипели под мелкой ледяной крупой, пуская вонючий смоляной дым. На бревенчатой стене топтались серые штурмовики — взвод стражников, перепуганных, злых, с неммыми рожами. От них пахло кислым вином, сырой кожей и чесноком. Каждый сжимал арбалет или тяжелую алебарду, но руки у всех тряслись.

За их спинами догорал город. Половина кварталов Аркадара уже превратилась в черные пепелища после полуденной резни, устроенной взбесившимся доном Руваром. Рувара они боялись. Но то, что шло сейчас из болот, вызывало другой, сухой и звериный ужас.

Из тумана, прямо по жидкой грязи, лезли шранки.

Их было не три и не десять. Из темноты низины выкатывалась живая серо-желтая волна. Голые, безволосые тела, длинные сухие лапы с когтями, плоские головы без ушей. Они двигались с пугающей скоростью, перескакивая через кочки, с хрустом ломая камыш. Они не кричали, не издавали боевых кличей. Стену тумана заполнял только один сплошной, нарастающий звук — сухое шелканье сотен зубастых пастей. Этот треск въедался прямо в кости, от него закладывало уши.

— Стреляй! Стреляй, сука! — истошно заорал молодой десятник, роняя факел прямо в навоз под ногами.

Арбалеты щелкнули. Короткие стальные болты ушли в темноту. Несколько тварей споткнулись, покатались по грязи с пробитыми головами, но остальная масса даже не замедлила ход. Шранки перли буром, наступая на трупы своих, карабкались друг по другу прямо на бревенчатый частокол заставы.

Один из стражников, здоровый мужик с иссеченным оспой лицом, занес тяжелую секиру, чтобы рубануть по высунувшейся из тумана бледной безглазой морде. Но тварь оказалась быстрее. Длинная, как кочерга, лапа уцепилась за край его кожаного нагрудника. С коротким механическим хрустом шранк перекинул человека через стену, прямо в беснующуюся внизу серую массу. Живой человеческий крик захлебнулся за секунду, сменившись частым, довольным чавканьем сотен челюстей.

— Орден! Где Синод?! Где черные монахи?! — выл кто-то на стене, пытаясь к лестнице.

Но черные монахи министерства охраны сами бежали. Те, кто вчера топил книгочеев в нужниках, сегодня первыми бросали факелы и уходили в глубь городских кварталов. Их вера в боевые литании испарилась, как только из подземелий дворца потянуло мертвой, леденящей пустотой Теневой кромки.

Аркадарская застава рухнула за пять минут. Бревна трескали под напором тел, серые штурмовики гибли в грязи, пытаясь отмахиваться мечами, но их железо просто вязло в этой бледной, бесчувственной плоти. Живая волна шранков перевалила через парапет и хлынула на грязные улицы Аркадара, зачищая первые кварталы. Начиналась тотальная, слепая жатва мертвой планеты.

А на высоте тридцати тысяч километров автономный зонд-шпион Ведомства Чуждых Сущностей фиксировал изменение тепловых контуров города. Перфолента логического регистратора монотонно выбивала новые строчки:

ОБЪЕКТ СКАНИРОВАНИЯ: ЖИВОЙ МИР КЛАССА МИНИМУМ-ИНФЕРНУС.

РЕЗУЛЬТАТЫ СЕКТОРАЛЬНОГО СКРИНИНГА:

Прорыв оборонительного периметра автохтонов: Сектор 4-Восток.

Агрессор: Биологический вид «Шранк» (Активность: Максимальная).

Плотность популяции особей возрастает. Сопротивление неэффективно.
Тепловые маркеры местного населения гаснут.

Орбитальный модуль «Правда-6» пытался скорректировать линзы через плотный туман, но его автоматика продолжала выдавать сбой за сбоем. Для ученых Земли, запертых на космической станции, происходящее выглядело как аномальное восстание диких племен, подкрепленное неизвестным тектоническим сдвигом. Автоматика орбитальных систем регистрировала хаос, но не находила логических объяснений. В стерильных отчетах Терры Миража не было места для биологического оружия, восставшего из подбрюшья древней планеты.

Вор, бегущий за Яном по лесной тропе, обернулся и сквозь деревья увидел, как над Аркадаром встает сплошное, багровое зарево. Город не просто горел — над ним поднимался густой, черный дым, который закручивался в небе в неровные, уродливые кольца, закрывая последние звезды.

— Ян... — задыхаясь от могильного холода, который обруч Руvara транслировал прямо сквозь грубую рогожу, прохрипел Вор. — Город всё. Они его жрут.

Ян прибавил шаг, глубже вбивая сапоги в раскисшую глину тропы. На его плече хрипел и пускал слюни монах.

— Нам плевать на город. Если не дойдем до хижины Знахаря Вудича до рассвета, нас сожрут следующими. Беги, ублюдок, пока ноги держат.

Глава 10. Холодное стекло

Лесной туман у хижины Знахаря Вудича пах застарелым аптечным мылом и палёной изоляцией.

Ян сбросил хрипящего монаха прямо на трухлявое крыльцо. С плеча потекла темная сукровица — подрысник старика промок насквозь. Вор рухнул рядом, грязно ругаясь и бережно прижимая к животу мешок с обручем Рувара. Металл сквозь мешковину уже не просто пульсировал зелёным, он ощутимо жёг пальцы через ткань.

Дверь хижины была приоткрыта. Внутри, в глубокой темноте, что-то тонко и монотонно пищало. Звук был неестественный, слишком ровный для Аркадара. Так не пищат мыши. Так не пищит сверчок.

Ян вытащил из рукава обломок косы, пригнулся и плечом толкнул дощатую дверь.

В углу, среди разбитых глиняных горшков с сушёной черникой и мятой, сидел человек. На нём была белая, неестественно чистая рубаша из странной плотной ткани, теперь перемазанная сажей. Лицо новоприбывшего было бледным, очки в тонкой металлической оправе съехали набок. В руках он сжимал небольшой плоский ящичек с мерцающим серым стеклом — портативный терминал связи. Человек судорожно тыкал пальцем в холодную панель, из которой и доносился этот ровный, мёртвый писк.

— «Правда-б», ответьте... — быстро, сбиваясь на задыхающийся шёпот, бормотал он, не замечая вошедшего Яна. — Это дон Калдор... то есть, это базовая группа. Наблюдатель Алекс на связи. У нас критическое искажение исторического субстрата. Нападение автохтонных биообъектов не зафиксировано в базисной теории феодализма. Повторяю, «Правда-б», почему нет ответа с орбиты?..

Ян подошёл на один шаг. Сапог тяжело чавкнул по гнилой половице.

Землянин резко вскинул голову. Очки окончательно свалились с его носа. Он уставился на Яна — грязного, пахнувшего фиолетовой кровью шпанков и болотным илом, с обрубком косы в чёрных от копоти руках. Учёный Терры Миража попытался направить на него свой лазерный скальпель, но рука у него так ходила ходуном, что тонкий синий луч лишь мазнул по стене, оставив на бревне глубокую, дымящуюся борозду.

— Хватит тыкать стекляшкой, дон, — негромко сказал Ян, наступая носком сапога на лазерный прибор и прижимая его к полу. — Твоё стекло не ответит. Город жрут серые твари из низин. Мой старик только что превратил одну из них в кучу пепла голыми руками. А Вор притащил с собой железный венец твоего спятившего друга Рувара, и от этого венца у нас у всех зубы крошатся.

Ян нагнулся, схватил землянина за воротник его чистой рубашки и подтащил к своей испачканной роже.

— Вы ведь думали, что вы здесь самые умные? Рассказывай, что происходит, пока я не пустил твою науку на ремни.

Землянин посмотрел в пустые, циничные глаза парня из канавы, затем на пищавший терминал, на котором вместо букв Терры Миража теперь медленно проступала одна-единственная строчка, перехваченная с приближающегося автономного зонда-шпиона Ведомства Чуждых Сущностей: **УРОВЕНЬ ЗАРАЖЕНИЯ — АЛЬФА. ЛИКВИДАЦИЯ НЕИЗБЕЖНА.**

И у учёного Терры Миража впервые в жизни по-настоящему помутился разум.

Глава 11. Ломанный ритм

Ян не стал бить учёного. На это не было времени. Он сильнее вдавил подошву сапога в лазерную трубку, сгибая металл под тяжестью каблука, и коротко мотнул головой:

— Вор. Обыщи его.

Вор прижал локтем к ребрам мешок с пульсирующим кольцом, а свободной рукой цепко, по-собачьи, начал рвать карманы чистой рубахи землянина. На доски пола посыпались матовые капсулы, пара костяных пластин и круглое стекло линзы. Наблюдатель Алекс не защищался. Он сидел, вжавшись лопатками в угол хижины, и тупо смотрел на серый экран своего прибора, который продолжал выплевывать строчки чужих, перехваченных из пустоты знаков.

— Станция не отвечает... — севшим голосом пробормотал он. — Они заблокировали шлюзы орбитального модуля. Сверху считают, что здесь прорыв био-угрозы. Они... они бросили нас.

Ян нагнулся, поднял с пола одну из костяных пластинок, покрутил в грязных пальцах и швырнул обратно в угол.

— Кто тебя бросил, дон? — хмуро спросил он, нависая над ученым. — Кто там у вас сверху сидит в ваших железных домах? Те, кто Рувара сюда прислал?

Алекс даже не поднял головы, продолжая судорожно тыкать пальцем в холодное стекло терминала. Его губы дрожали, на лбу выступила крупная испарина:

— Контур... Консилиум... Всё уложение Терры Миража... Всё прахом. Нас стерли из списков живых. Автоматика считает, что планета потеряна. Но этого не может быть по расчетам! Мы везли сюда свет науки, мы контролировали каждую заставу...

— Твой свет только что догорел в городе, дон, — Ян грубо перебил его, схватив за липкий ворот рубахи и встряхнув. — Посмотри на меня. Оружие у тебя еще есть, или ты только в стекляшки свои выть умеешь? Что это за треск в ушах? Почему у моего старика кровь идет, а дождь на улице застрял, как мухи в меду?

Алекс уставился на Яна дикими, невидящими глазами. В его рафинированном, стерильном разуме ученого Терры Миража логика трещала по швам, не в силах переварить физиологический ужас происходящего.

— Я не знаю... — зашептал он, цепляясь пальцами за прибор. — Это не тектонический сдвиг. Сенсоры фиксируют... они фиксируют то, чего не существует. Искажение ментального поля. Реальность ломается, парень. Как будто под нашим Аркадаром всегда лежал другой мир. Древний. Черный. И сейчас кто-то сорвал с него крышку. Это ментальная гангрена, она... она заражает воздух.

— Вот теперь ты говоришь как наш монах, — цинично усмехнулся Ян, выпуская его ворот. — Ни хера не понятно, но пахнет покойниками.

Монах-расстрига на крыльце хижины вдруг громко, сухо зашелся в кашле. Ян обернулся. Старик сидел в луже, его скрюченные пальцы скребли мокрую древесину, а изо рта вместе с темной сукровицей вырывался хриплый, ритмичный стук. Тук. Тук. Тук. Точно так же, секунда в секунду, мигали зеленые знаки на обруче в мешке у Вора.

— Идут, — прошептал монах, не открывая побелевших глаз. — Не те, серокожие, что из нор. Другие. Сверху. Небо горит. Они поют... Господи, как они поют. Их песня выжигает мозги.

Ян прищурился, глядя на экран прибора в руках учёного. Там, среди ломанных линий, мерцала всего одна крупная, чистая точка — белая. Она стремительно сближалась с планетой над сектором Аркадара. Это был передовой разведывательный челнок Ордена Резонанса, поймавший ментальный пробой.

Но прибор Алекса был слеп. Он не видел вторую багровую точку, которая шла следом, прячась в радиолокационной тени первого корабля. Навигация Ищейки Отступников, ведомая Теневой кромкой Резонанса, кралась следом мертвым грузом, не выдавая себя ни единым сигналом.

— Вставай, дон, — Ян рывком поднял Алекса за шкуру. — Твои небесные хозяева тебя предали, а к твоей железной избушке над облаками уже летит какая-то новая звезда. Если хочешь жить — хватай свои приборы и шевели ногами.

Они вывалились из хижины в туман. Лес вокруг дышал. Кусты камыша у болотной низины ходили ходуном — серая масса тварей, сожравшая заставу, уже веером расходилась по чаще, нащупывая живое мясо. Но добежать до тропы они не успели.

Из ельника, ломясь сквозь мокрые ветки, на поляну перед хижинкой вышло существо.

Камзол благородного дона был разорван на груди, обнажая бледную кожу, покрытую резами и старыми шрамами. На рукавах коркой засыхала густая кровь феодального воинства. Лицо некогда Прогрессора было серым, как зола. Оно шло медленно, волоча ноги по прелой хвое, но руки существа были пусты. Мечи оно бросило в городе.

Чужак остановился в пяти шагах от группы Яна. Пустые, выжженные глаза новоприбывшего уставились на мешок в руках Вора. Зеленые знаки на скрытом кольце вспыхнули так ярко, что рогожа начала тлеть, источая запах паленой шерсти.

Учёный Алекс, узнав коллегу, сделал шаг вперед, протягивая дрожащие руки:

— Алдан! Слава богу... Станция молчит, Алдан, Рувар, скажи им... Помоги мне, мы должны запустить эвакуацию...

Но безумец со звезд даже не повернул головы. Его челюсть дернулась. Из приоткрытого рта, перекрывая шум нарастающего над лесом ветра, донесся сухой, мертвый, механический шепот — хор тысяч чужих голосов Теневой кромки, который окончательно стер остатки его человеческой личности:

— 'ЧТО... Я... ТАКОЕ?'

Звук шел не из горла — он вибрировал прямо в костях Яна, заставляя крошиться зубы. В этом вопросе не было человеческой речи, только бесконечный холод Абсолютной Пустоты, которая прямо сейчас переписывала плоть бывшего землянина.

Ян медленно перехватил обломок косы поудобнее, чувствуя, как ладонь скользит по дереву. Он понял, что этот «бог» больше не принадлежит уму и логике. Но звериное чутье подсказало парню другое: прямо сейчас за спиной этого мертвеца, в глубине леса, сотни серых тварей одновременно прекратили свое щелканье и замерли, подчиняясь безмолвной воле Инхороя. Ловушка Эарвы захлопнулась, и никто из них больше не понимал законов этого мира.

А далеко вверху, за плотными грозowymi тучами, передовой челнок Резонанса уже гасил скорость, готовясь войти в плотные слои атмосферы. Пилоты еще не знали, что Мрачный Левиафан Синода уже лег на курс в глубоком космосе, а за их собственной кормой, бесплотной тенью, бесшумно скользит Ищейка Отступников.

Глава 12. Стальные осы

Туман у хижины Знахаря Вудича не просто полз — он застывал, превращаясь в липкую, сизую взвесь, которая неохотно расступалась перед шагами Инхороя. Здесь, на границе болотной низины, вонь Аркадара окончательно уступила место едкому, химическому запаху горелой изоляции и старой, застоявшейся сукровицы. Мир словно сузился до размеров этой поляны, зажатой между мертвыми елями и гнилым крыльцом, на котором, хрипя и дергаясь в судорогах, доживал свои последние часы монах-расстрига.

Ян стоял неподвижно, не переводя взгляда с белесых, выжженных глаз существа, которое еще утром звалось благородным доном Руваром. Обломок косы в его руке казался сейчас глупой, бесполезной железкой. Ян чувствовал, как сквозь обтрепанный рукав куртки проступает ледяной пот. Звериное чутье, не раз спасавшее его в канавах окраин, сейчас без умолку орало об одной-единственной вещи: перед ним не человек. И даже не тот безумный мясник, что вырезал министерство охраны. Перед ним стояла пустая, переписанная изнутри оболочка, сквозь поры которой Теневая кромка транслировала свой мертвый, закольцованный шум.

— Алекс... — Инхорой произнес это имя негромко, но звук, казалось, пошел не из его рта, а вырвался прямо из разъемов на шее, смешиваясь с сухим треском статического электричества. Черная, похожая на деготь субстанция лениво толчками выходила из подкожных портов, пачкая воротник разорванного шелкового камзола. — Базовая... группа... Наблюдатель... Авторизация... отклонена.

Учёный Алекс, все еще сжимавший в дрожащих пальцах пищаний терминал связи, замер. Очки его окончательно съехали набок, удерживаясь лишь за одно ухо, но он словно не замечал этого. Лицо земного дона, всегда такое сытое, ровное и уверенное в своей исторической правоте, сейчас напоминало маску из сырого, плохо пропеченного теста. В его рафинированной голове, забитой уложениями Контура и Базисной теорией феодализма, что-то окончательно лопнуло с сухим хрустом.

— Алдан... — пискнул ученый, делая крошечный, неуверенный шаг вперед. Его лакированные туфли, совершенно не предназначенные для местной грязи, глубоко увязли в прелой хвое. — Какая авторизация? Что ты несешь? Свяжись с орбитой! «Правда-6» заблокировала шлюзы, они считают, что здесь биологическая угроза класса Альфа... Скажи им, Алдан! Это же я, Алекс! Мы контролировали каждую заставу, мы несли им свет...

— Твой свет обосрался, дон, — глухо процедил Ян, не оборачиваясь. Он сделал полшага в сторону, прикрывая собой Вора, который все сильнее вжимал в ребра дымящийся мешок с кольцом. Металл под рогожей уже не просто пульсировал — он вибрировал с такой силой, что зеленое свечение пробивало плотную ткань, окрашивая туман вокруг них в мертвенный, фосфорический цвет. — Помолчи. Твой приятель больше не умеет в твои стекляшки. Он вообще больше не умеет быть живым.

А далеко вверху, за пределами плотных грозовых туч, где космос граничил с глухой чернотой неизведанных регионов, легкий разведывательный челнок Ордена Резонанса гасил скорость, зарываясь носом в разреженные слои атмосферы.

Адепт-разведчик Корвус сидел в пилотском ложе, расслабив тело, но его ментальные контуры были натянуты, как струны. Некоторое время назад, находясь в субпространственном переходе, Корвус ощутил ужасное, чудовищное потрясение. Это не был физический удар — Резонанс, вечно текущий сквозь все живое, вдруг содрогнулся, словно в него плеснули концентрированной, кипящей гнили. Вспышка чужой, немыслимой боли прошла разум адепта с такой силой, что он едва не потерял сознание, а изо рта потянуло вкусом болотной меди и паленой кожи. Вслед за этим по всем релейным узлам бортового компьютера пошло экстрен-

ное сообщение: всем судам, находящимся в секторе, немедленно изменить курс и следовать к планетарной багровой точке на периферии.

Корвус оказался ближе всех. Он прибыл сюда в одиночку, задолго до того, как официальное сообщение первоиерарха Илариса дошло до тяжелых Мрачных Левиафанов Синода. Он шел первым, как гончая, сорвавшаяся с поводка.

Но сейчас, заходя на посадочную орбиту, Корвус чувствовал, как Резонанс вокруг планеты изменился. Обычно живой, вибрирующий, наполненный миллионами эманаций чужих жизней, он стал спокойным. Подозрительно, пугающе спокойным. Это была не мирная тишина благополучного мира — это был глухой, мертвый штиль перед ментальным штормом, когда удушливая энергия сжимается в одну точку, высасывая воздух из легких. Реальность казалась накрахмаленной, искусственной, словно тонкая корка льда над бездонным колодцем, полным трупов.

Челнок вошел в атмосферу без огней, скользя серой тенью сквозь фиолетовое марево туч. Корвус посадил машину в глубине векового ельника, в трех верстах от восточных застав, и сразу же покинул борт, активировав маскировочные пластины легкого доспеха.

Он шел по лесу в сторону города, и каждый шаг давался ему с трудом. Энергия Резонанса вязла в ногах, как болотная жижа. Сквозь черные, обугленные стволы деревьев Корвус видел, как над Аркадаром встает сплошное, багровое зарево. Город не просто горел — он кричал. До слуха адепта, усиленного шлемом, доносился многоголосый, нечеловеческий вой сотен глоток, сливающийся в сплошной гул. Так кричат существа, которых медленно и методично перемалывают в мясном конвейере. Половина тепловых маркеров в черте стен уже погасла, сменившись мертвенным холодом Теневой кромки.

Корвус остановился, почувствовав, как пространство впереди резко сжалось, выдав короткий, сухой треск.

У хижины знахаря Вудича Инхорой сделал еще один шаг вперед. Капли дождя, зависшие в воздухе серыми бусинами, с тихим звоном лопались, соприкасаясь с его разорванным шелковым плащом.

— Алекс... — повторило существо, и из его приоткрытого рта вырвался плотный шлейф морозного пара, пахнувший медью. — Эвакуации... не... будет. Станция... молчит. Мы... переписаны.

Ян медленно опустил обломок косы чуть ниже, смещая центр тяжести. Он понял, что разговаривать здесь больше не с кем. «Бог» со звезд был пуст, но его пустая оболочка сейчас управляла всем, что стояло в камышах.

— Алекс, — негромко, сквозь зубы позвал Ян, косясь на замершего у стены дона. — Если твоя синяя трубка еще может выдать хоть каплю огня — бей его в шею. В те разъемы, откуда течет деготь. Сейчас он скамандует своим серым псам, и нас просто закопают в этот навоз. Шевелись, дон, если не хочешь, чтобы из тебя сделали такую же куклу.

Но ученый лишь тупо смотрел на экран своего погасшего терминала. Ментальное давление среды выключало его человеческую логику, превращая Алекса в испуганное, ничтожное животное, брошенное своими небесными хозяевами.

Зеленые точки на скрытом обруче в мешке у Вора вспыхнули с бешеной, слепящей частотой. Ритм совпал.

Инхорой поднял бледную, иссеченную шрамами руку и указал пальцем прямо на грудь Яна. И в ту же секунду камыши вокруг поляны зашевелились, выбрасывая из тумана серую, безглазую массу голодных челюстей.

На просеке метрах в ста выкатился серый комок.

Это был шранк. Тварь выглядела как уродливое, вытянутое подобие человека с серой, безволосой кожей и длинными, неестественно гибкими руками. У него не было одежды, только уродливые шрамы на брюхе, похожие на грубые, заросшие разрезы. Вместо лица — плоская, костяная маска с вечно разинутой пастью, усаженной мелкими острыми зубами. Он бешено шмыгал носом, слизывая густую фиолетовую кровь с зажатой в руке человеческой кисти — на обгоревшем обрубке запястья еще сияло дорогое кольцо какого-то местного дона, не успевшего добежать до спасительных болот.

Существо замерло, резко дернуло плоской головой без ушей, прислушиваясь к звукам в небе, где высоко за тяжелыми тучами дрейфовали невидимые космические корабли, и вдруг издало тонкий, похожий на детский плач, визг.

Корвус не шевельнулся. Закрыв глаза под забралом шлема, он глубоко, прерывисто вдохнул вязкий лесной воздух, пахнувший медью, и пустил Резонанс сквозь себя.

Это не было простым усилием воли — энергия вошла в его тело как раскаленный свинец, заставляя внутренние ментальные фильтры вспыхнуть леденящим, фосфорическим светом. Корвус заставил свои чувства расширяться, ломая привычные физические барьеры и обретая сверхвосприятие.

Это не было простым усилием воли — Резонанс вошел в его тело как раскаленный свинец, заставляя внутренние ментальные фильтры вспыхнуть леденящим, фосфорическим светом. Корвус заставил свои чувства расширяться, ломая привычные физические барьеры и обретая сверхвосприятие живых существ в радиусе полуметра. Реальность вокруг него мгновенно потеряла цвет, превратившись в серое марево, где каждый вдох и каждое биение сердца оставляли уродливые тепловые следы. Лес дышал. Но это дыхание было больным.

Адепт потянулся вперед, совершая легкие, почти невесомые касания ментальными нитями Резонанса, нащупывая внутреннюю сущность замершего на просеке шранка. Орден учил его читать чужие души, находить скрытые мотивы, страхи и проблески разума даже у самых диких автохтонов. Но то, во что Корвус погрузился в следующую секунду, заставило его сердце пропустить удар.

Он никогда не знал ничего подобного. Внутри серой твари не было привычной структуры сознания — там царила исступленная, звенящая пустота рассудка. Корвус словно заглянул в абсолютно пустой, выжженный колодец, на дне которого копошились и выли только три нечестивых, первобытных желания: абсолютное, нефiltroванное насилие, удушающий голод и слепая, животная похоть. В этой ментальной гангрене не было места для мыслей, воспоминаний или страха. Шранк не думал — он функционировал как биологическое орудие, собранное из чистой, дикой скверны, и это искажение Резонанса было настолько плотным, что Корвуса едва не стошнило прямо под маску шлема.

Существо на просеке снова взвизгнуло, и этот звук эхом отозвался в висках адепта. Ментальная навигация твари была настроена точно: он ловил тот же сухой, мертвый импульс, что шел со стороны лесной хижины Знахаря Вудича.

У хижины знахаря время окончательно потеряло свой лоск.

Инхорой опустил бледную, покрытую резами руку. Сухой, механический треск, исходивший от портов связи на его шее, на секунду прекратился, сменившись оглушительным радиопомеховым ревом. Черный деготь, лениво толкавшийся из подкожных разъемов бывшего прогрессора Алдана, теперь шел густой струей, заливая остатки шелкового камзола.

— Уничтожение... — вытолкнуло существо, и этот звук заставил Вора на крыльце истошно кричать, зажимая уши ладонями. — Класс... Альфа... Ликвидация... неизбежна.

Ян не стал ждать, пока бог со звезд завершит свою команду. Мы жестко ломаем штампы Самиздата — здесь не было места для красивых речей. Ян резко присел, вбивая раскисшую глину каблуками протекших сапог, и рванулся вперед, выставляя обломок косы перед собой.

Скорость его была звериной, рожденной годами выживания в окраинных канавах, где тот, кто думает дольше секунды, всегда оказывается в сточной канаве с перерезанным горлом.

Но Инхорой даже не попытался уклониться. Бывший землянин Терры Миража, чей мозг был превращен в безупречный сосуд для Теневой кромки, просто стоял, подставив грудь под удар.

Острая, заточенная сталь обломка косы с тяжелым, мокрым хрустом вошла Инхорою прямо под правое ребро. Ян навалился всем телом, проворачивая железо в ране, ожидая услышать человеческий крик или хрип. Но вместо крови из глубокого разреза толкнулся густой, пахнущий железом черный деготь. Бывший дон Рувар даже не дрогнул. Его пустые, выжженные известью белые глаза продолжали смотреть сквозь Яна, словно тот был всего лишь прозрачной преградой на пути его навигации.

— Алекс... — повторил Инхорой, и его бледная ладонь с железной, неестественной силой сомкнулась на предплечье Яна, заставляя кости парня хрустнуть. — Протокол... завершен.

Учёный Алекс, прижатый спиной к бревенчатой стене хижины, внезапно закричал. Его рафинированный разум Терры Миража, не выдержав физиологического ужаса происходящего, окончательно сдался. Ломая штамп героического ученого-спасителя, он в полной панике вскинул свой лазерный скальпель, но рука его ходила ходуном так сильно, что тонкий синий луч мазнул вслепую, начисто срезав гнилую стойку крыльца и оставив глубокую, дымящуюся борозду на плече самого Яна. Кожу обожгло невыносимой, чистой болью, куртка вспыхнула, источая вонючий дым.

— Стреляй в него, идиот! — прохрипел Ян, пытаясь упереться сапогом в колено Инхороя и выдернуть заклинившее между ребер железо. — В шею стреляй!

В этот момент камыши у болотной низины лопнули. Серые, безволосые тела шранков, до этого замершие в тумане, одновременно рванули на поляну, подчиняясь беззвучному приказу своего хозяина. Сплошной, нарастающий треск сотен зубастых пастей заполнил воздух, заглушая писк приборов и крики раненого монаха. Живая серо-желтая волна тварей покатила прямо на крыльцо, стирая любые шансы на тактическое отступление.

Вор, бросив мешок с пульсирующим кольцом, бесшумно, как крыса, стек со ступеней и попытался втиснуться в узкую щель под лавкой, намертво зажав голову руками. Металлическое кольцо Руvara, вывалившись из прожженной рогожи прямо в аркадарскую грязь, вспыхнуло таким ярким, чистым зеленым светом, что туман вокруг хижины на секунду потерял свою плотность, обнажая уродливые, костлявые морды нападавших тварей.

Ян, задыхаясь от могильного холода, который Инхорой транслировал через свою хватку, рванул рукоять косы на себя с такой силой, что старое дерево треснуло. Металл остался внутри бога со звезд, а Ян покатился по мокрой траве, едва успев перекатиться в сторону от длинных когтей первой добежавшей твари.

А далеко на опушке леса, адепт-разведчик Корвус резко открыл глаза под забралом шлема. Ментальный пробой у хижины Вудича расширился до критических масштабов, выиграв Резонанс в радиусе версты.

Глава 13. Прах к праху

Грязь под сапогами Яна никогда не была просто землей. Эарва не помнила чистоты. То, что бродяги принимали за раскисшую глину и болотный ил, являлось слоистым, спрессованным пеплом прошлых катастроф. Мир веками копил это хрупкое равновесие. Он, словно струппя на старой язве, растил на себе серые средневековые улочки Аркадара. Планета силилась залечить старые шрамы, пряча их под коркой человеческой возни, под навозом и бревенчатыми заставами. Она удерживала себя звенящим, подозрительным затишьем.

А потом пришелец со звезд Алдан надел чистый шелковый плащ, назвался доном Руваром и вонзил в этот мир свое «благородство».

Думая, что спасает дикарей и помогает им, лазутчик вложил в идеальную заточку своих мечей всю мощь развитого, холодного ума. Пять минут бойни во дворе министерства охраны стали зарядом, пробившим защиту планеты. Развитый мозг человека будущего послужил идеальным проводником для Теневой кромки. Кровь тысяч убитых им штурмовиков и монахов, хлынувшая в сточные канавы, сработала как детонатор.

Земля содрогнулась от глубокого, физического отвращения к этой резне. Мир отторг чужаков. И тогда искаженное поле планеты исторгло из болотных низин и подземных пустот шранков. Они лезли из щелей не как завоеватели, а как белые кровавые тельца мертвеющего организма. Живая серо-желтая волна безглазых масок выкатилась в леса с одной целью: зачистить, сожрать, соскрести зараженную чужеродными силами сушу, вернув ее в исходное состояние праха.

В этот миг Третий Апокалипсис замкнул петлю, сделавшись равным Самому Первому.

Земляне так и не поняли, что их корабль упал в их собственное прошлое. Их высокие технологии под воздействием взбесившейся Теневой кромки не просто вышли из строя — они мутировали, обратившись в тяжелое, злое колдовство. Подкожные разъемы связи и бортовые импланты начали переписывать плоть лазутчиков, превращая их в биомеханических существ, истекающих черным дегтем. Цикл сомкнулся зубами на собственной горловине. Конец, разворачивающийся прямо сейчас в лесу у хижины Знахаря Вудича, стал началом.

А беззвучный ментальный крик миллионов гибнущих аркадарцев, которых шранки прямо сейчас втаптывали в навоз, пробил атмосферу. Он ушел в глубокий космос, вибрируя на частоте Абсолютной Пустоты.

И Не-Бог — Абсолютное Ничто, дрейфовавшее в ледяной сырости между звездами, — услышало этот зов. Оно медленно обернулось на запах свежей крови.

Глава 14. Пустота

Ян лежал в раскисшей аркадарской глине, чувствуя, как ледяная болотная вода заползает под воротник куртки, смешиваясь с гарью от ожога на плече. Обломок косы намертво застрял между ребер поверженного Инхороя, а порванная стойка крыльца продолжала исходить сизым, удушливым дымом. Серо-желтая волна шранков, выкатившаяся из камышей, была уже в трех шагах. Ян видел их плоские костяные маски, зазоры между мелкими острыми зубами и длинные, неестественно гибкие лапы, тянущиеся к его горлу. Бежать было некуда. Логика и опыт выживания в канавах исчерпали себя.

Тогда он просто вытянул левую руку и коснулся пальцами голого, лежащего в луже металлического обруча.

Вспышки боли не произошло. Мир не раскололся фиолетовой молнией, и капли дождя не зависли серыми бусинами. Реальность изменилась тоньше. Ян провалился в глухую, неподвижную пустоту.

В то же мгновение шранки обмякли. Тварь, уже заносившая когтистую лапу над лицом Яна, потеряла опору, глухо рухнула рядом в грязь и замерла, нелепо задрав длинную сухую конечность. Но это не было остановкой времени — капли ленивого ноябрьского дождя продолжали падать, с тихим стуком разбиваясь о гнилые доски крыльца. Остановилось кое-что другое. Из реальности испарились сами процессы, мотивы и воля живых существ. Ментальный абсолютный ноль выключил Аркадар. Из плоских голов шранков в один миг исчезли исступленный голод, ярость и похоть, двигавшие ими веками. Их рассудок превратился в стерильный вакуум. Они застыли серыми изваяниями, потеряв причину совершить еще одно движение.

Инхорой накрыл эту пустоту сверху. Его биомеханическая оболочка застыла с протянутой рукой. Из разъемов на его затылке больше не сыпались искры, а дегтярная черная субстанция замерла в порах, превратившись в густую, мертвую корку.

Учёный Алекс, прижатый к стене хижины, перестал скулить. Его пальцы разжались, выронив лазерный скальпель прямо в грязь. На его лице, перемазанном сажей и кровью, застыло выражение полного, тупого равнодушия. Из его головы улетучился страх, улетучились воспоминания об уложениях Контур и светлом будущем Терры Миража. Его это было стерто, растворено в этой всепоглощающей пустоте, которая не знала ни прошлого, ни будущего.

На опушке леса, в ста метрах от застывшей просеки, адепт Резонанса Корвус рухнул на колени, не удержавшись на ногах.

Его сверхчувствительность к ментальной энергии Вселенной, заменявшая ему радары и зрение, превратила этот удар в катастрофу. Резонанс, вечно казавшийся Корвусу чистым, ровным теплом, связывающим миллиарды живых душ, лопнул от боли. Он мгновенно обратился в ледяную яму, полную чужого предсмертного визга. Ожог от мертвой пустоты прошел его нервную систему как раскаленный кабель, выжигая внутренние ментальные фильтры до самого основания. Забрало шлема потемнело, но Корвус этого не заметил — его собственный разум закипал, не в силах переварить физиологический ужас трансляции.

Сознание Корвуса выключилось из череды мгновений и провалилось сквозь Теневую кромку реальности, открывая ему страшную, ослепительную зарисовку того, что только должно было произойти.

Внутри его шлема бешено, истошно замигали багровые индикаторы чужеродного, наспех подогнанного под его нужды доспеха. Технологический хай-тек звездных систем заклинило первым. Потеряв контроль оператора, совершенный прибор превратился в глухой, темно-серый гроб. Отрезанный от вселенской энергии Резонанса, Корвус провалился в техно-безумие.

Ему казалось, что под его собственной кожей, прямо под титановыми пластинами брони «Комбат-Х», ползают и копошатся светящиеся мириады чужих мыслей, поющих ангельскими голосами. Это Ничто раздавило его эго за долю мига. Больше не хотелось бороться. Больше не было понятно, зачем существовать. Объект перестал оказывать сопротивление.

Датчики внешнего давления, угасая, зафиксировали первое физическое прикосновение.

Из липкой, зловонной грязи проклятой планеты, шурша чешуей и хрустя суставами, выползло племя. Шранки. Мерзкие твари облепили неподвижную железную тушу со всех сторон. Для них этот технологический шедевр человечества был просто консервной банкой с сочной начинкой.

Внутренний аудиорегистратор зафиксировал омерзительный, ликующий визг выводка, перекрывающий писк умирающих систем.

В ход пошла древняя, первородная сталь. Ржавый, зазубренный обломок тяжелого тесака, покрытый вековой грязью, скрежетнул по правому окуляру шлема. Оптическое стекло, выдерживавшее выстрел из лазерного пистолета, жалобно треснуло под диким, неестественным нажимом твари.

«СБОЙ ГЕРМЕТИЗАЦИИ... СБОЙ ГЕРМЕТИ...» — механический голос ИИ шлема захлебнулся, когда ржавое острие с визгом пробило композитный слой, сминая титановую сетку, и с тяжелым хрустом вошло в глазницу замершего адепта.

Высокие технологии захлебнулись в грязи.

Корвус пришел в себя рывком, хрипя и выплевывая кровь на внутреннее стекло маски. Его колотило. Видение будущего ушло, оставив в мозгу выжженный след, но ментальный абсолютный ноль вокруг него все еще держался. Лес стоял мертвым, серым монолитом. Шранк на просеке так и застыл с зажатой в руке человеческой кистью, безвольно уставившись в пустоту перед собой. Из его головы исчезла сама способность желать.

А у хижины Знахаря Вудича Ян медленно, сантиметр за сантиметр, отрывал ладонь от холодного обруча. Кожа на его пальцах прикипела к металлу, оставив на бесшовной поверхности уродливые, серые следы обгоревшей плоти, но Ян не чувствовал этой боли. Он был внутри мертвой тишины, и его собственное эго неохотно, вязко возвращалось назад, в раскисшую грязь.

Процессы в мире начали перезапускаться с сухим, ломаным скрипом.

Глава 15. Контурь желаний

Процессы в мире возвращались с трудом, словно заржавевшие сочленения огромного, брошенного в болотах механизма. Первым вернулся звук — негромкий, сухой хруст спекшейся крови на ладони Яна, когда он окончательно разжал пальцы и выпустил металлический обруч. Кожа осталась на гладкой поверхности, намертво прикипев к темному сплаву, но боли не было. Было лишь ощущение колоссального, удушливого веса, который Теневая кромка выдавила обратно в его череп.

Ян упал на бок, глубоко вжимаясь лицом в раскисшую аркадарскую глину. Воздух в легкие заходил тяжело, с присвистом, оставляя на языке знакомый вкус болотной меди.

Вокруг него замершая секунду назад сцена начала лениво, неохотно оживать. Капли ноябрьского дождя, до этого падавшие беззвучно, снова обрели вес, с тяжелым стуком обрушиваясь на прогнившие доски крыльца. Но шранки, застывшие посреди своих яростных прыжков, так и не завершили движение. Их серо-желтые лапы мелко дрожали. Из плоских, лишенных ушей голов не доносилось привычного шелканья челюстей — твари ловили измененный, ломающийся сигнал, который шел от их хозяина.

Инхорой шевельнулся. Этот сдвиг биомеханического тела бывшего прогрессора Алдана был страшным, лишенным остатков человеческой анатомии.

Внутри выжженной, стерильной пустыни его разума, где после контакта с местной землей воцарился абсолютный ноль, вдруг началось движение. Это не были его собственные мысли. Это был прорыв Теневой кромки — уродливый, многоголосый хор проклятых сущностей, веками ждавших в подбрюшьи планеты своего глашатая. Твари шептали ему в виски на тысячи разных ладов, и этот шепот вибрировал прямо в костях его черепа. Они предлагали ему новое, нечестивое наполнение взамен утерянной человечности. Они звали его убивать. Они требовали расчленять, забирать, подчинять, давить ладонями хрупкие кости местных дикарей и пить их теплую, соленую кровь прямо из их горячего мяса.

Инерция развитого ума лазутчика Терры Миража, приученного удерживать и структурировать огромные массивы информации, сработала против него. Инхорой увлекся. Его ломающееся сознание попыталось ухватиться за эти новые, темные ориентиры, выстраивая из желаний Теневой кромки подобие воли. Он захотел поднять руку. Захотел сжать кулак. Захотел шагнуть к Яну и раздавить его голову сапогом.

Но как только его израненное эго попыталось зафиксировать это наполнение, мир вокруг него мгновенно ответил сокрушительным ударом.

Это была отдача. Закон сохранения пустоты сработал с тяжелым гнетом. Изголодавшийся, выжженный вакуум его черепа не мог удерживать желания — он мог только поглощать. Мощнейший ментальный разряд мертвой Теневой кромки ударил Инхороя изнутри, начисто выжигая последние уцелевшие подкожные контуры его сознания. Это не была физическая боль — это было моментальное испарение самой способности существовать. Бортовые импланты, сошедшие с ума от этой цепи изломов, бешено заискрили, выбрасывая из шейных портов снопы синих, электрических искр прямо в туман. Густой черный, похожий на деготь, поток жидкости толчком выплеснулся из его рта, заливая разорванный шелковый камзол.

Инхорой замер, его челюсть судорожно дернулась, а белые, покрытые известью глаза уставились в пустоту перед собой с выражением полного, бесконечного тупоумия. Ошметки его личности были стерты окончательно, оставив лишь пустой биомеханический остов, ведомый чужой, мертвой навигацией.

И шранки это почувствовали.

Серые, безволосые существа, до этого знавшие лишь слепой голод, ярость и похоть, впервые за всю историю своего существования столкнулись с чем-то, что было чернее и мертвее их

самих. Они уловили этот ментальный взрыв и последовавшую за ним ледяную пустоту. Серая масса болотных порождений качнулась назад. Твари, окружившие крыльцо хижины, начали пятиться, испуганно поджимая сухие хвосты, шлепая мозолистыми подошвами по грязи. Они больше не видели в Инхорое вожака или проводника. Они начали бояться его. Первобытный, животный ужас перед мертвецом со звезд выключил их ярость, заставляя выводок медленно отступать обратно в серую сырость камышей.

Ян, хрипя от натуги, приподнялся на локтях, переводя взгляд с качающегося Инхороя на камыши. Ладонь его левой руки, сожженная до самого мяса, противно ныла, но разум оставался холодным и чистым. Обломок косы все еще торчал далеко вверх, в груди застывшего бога, и дотянуться до него сейчас было невозможно.

— Вор... — сипло позвал он, оборачиваясь назад. — Забирай... железку. Шевелись, ублюдок, пока они не опомнились.

Учёный Алекс, сидевший в углу у стены, тупо смотрел перед собой круглыми, невидящими глазами. На его лбу выступила крупная, липкая испарина, но на лице больше не было паники. Ментальный удар выжег из него страх, оставив лишь пустой бланк наблюдателя Терры Миража, который больше не понимал законов этого сумасшедшего дома.

А из глубины ельника, ломая мокрые ветки, на просеку перед хижинкой уже выходила новая серая тень. Адепт-разведчик Корвус, преодолев последствия ментального ожога, шел по следу выжженного Резонанса, и его правая рука прочно сжимала рукоять оружия.

Глава 16. Первородная сталь

Шранк с рассеченным брюхом прыгнул первым. Тварь не думала — в её плоской костяной маске не было места для сомнений или страха, только слепая, вбитая вековым голодом потребность рвать и калечить. Серо-желтая туша взвилась над раскисшей травой, вытягивая длинные, неестественно гибкие лапы к лицу чужака.

Разведчик Ордена Корвус сместился на полшага в сторону. Движение вышло скупым, заученным до автоматизма в бесчисленных стычках на границах цивилизации. Правая рука рванула рукоять меча. Первым же восходящим, коротким ударом лезвие вскрыло твари грудину, распоров безволосую серую плоть от паха до горла.

Тварь рухнула в грязь, даже не успев издать писка, а адепт уже разворачивал корпус, открывая свой разум навстречу Резонансу.

Воздух на поляне мгновенно высох, став колючим и горьким. Пространство вокруг хижины Знахаря Вудича сжалось, словно невидимые тиски выдавили из него любые звуки, оставив лишь сухой, звенящий гул в ушах. Ледяная река мыслей, пронизывающая вселенную, поддалась его воле, превращаясь в направленное, уничтожающее марево.

Два шранка, пытавшиеся зайти с флангов сквозь заросли мокрого папоротника, наткнулись на этот невидимый барьер. Тепловой некроз выжег их изнутри за долю мига: серая кожа болотных чудовищ мгновенно потемнела, пошла глубокими, обугленными трещинами и с тихим шорохом осыпалась хлопьями пепла прямо в аркадарскую грязь. Корвус не тратил времени на красивые позы — он просто методично, как тяжелый мясник на скотобойне, зачищал пространство. Один рубящий удар — и плоская костяная маска нападающего лопается вместе с челюстью. Обратный, короткий взмах — и отсеченная лапа валится в лужу, судорожно скребя когтями прелую хвою. Сталь в его руках не знала усталости, ведомая холодной, безжалостной волей Ордена.

Ян среагировал быстрее остальных. Пока Корвус кромсал выводок в тумане, бродяга уже двигался. Его левая рука, сожженная контактом с артефактом до самого мяса, превратилась в обугленное, сочащееся белесой сукровицей месиво, но мозг работал четко, отсекая боль как лишний мусор. Сдерживать страх времени не было. Ян упал на колени прямо в грязь, накрыл светящийся обруч Рувара обрывком грязной рогожи и сгреб его в правый кулак. Металл жег даже через плотную ткань, буквы-резы пульсировали сквозь нити мешковины ядовитым зеленым светом, но Ян лишь жестко, сквозь зубы, выругался.

— Вор, хватай старика! — рывкнул Ян, перехватывая косу поудобнее и рывком поднимая бесчувственного Алекса за воротник сырой рубахи. — Напролом, за мной! Назад не смотреть!

Вор, до этого скуливший под гнилой лавкой у стены и зажимавший уши руками, сработал на чистых животных инстинктах. Дикий, колотящий тело ужас перед Корвусом и застывшим Инхороем придал ему сил. Он выскочил из-под крыльца, скользя сапогами по жидкой глине, уцепился мертвой хваткой за подрысник обмякшего, выгоревшего монаха-расстриги и с тяжелым, натужным хрипом взвалил его костлявое тело себе на загривок. Старик не дышал, его белые глаза были полуоткрыты, а пальцы безвольно висели, капая темной сукровицей в прелую хвою. Но Вор тащил его, сгибаясь под тяжестью, волоча ноги по грязи и хрипя от натуги.

Группа веером ломанулась сквозь ельник, ломая мокрые ветки и уходя на север, к мертвым болотным низинам. Они бежали без оглядки, задыхаясь от могильного холода, который обруч транслировал прямо в их вены, спасая свои шкуры и утаскивая звездный артефакт все глубже в трясину.

Корвус не стал их преследовать. Он медленно опустил меч, позволяя чужой фиолетово-бордовой крови стекать с лезвия на землю. На поляне воцарилась тяжелая, звенящая

тишина, прерываемая лишь редким стуком капель дождя по крыше хижины. Последние уцелевшие шранки уже растворились в тумане, спасая свой выводок.

У крыльца остался только Инхорой. Бывший дон Рувар стоял неподвижно, покачиваясь из стороны в сторону, словно мертвая сосна под порывом ветра. Обломок косы все так же торчал из его груди, погрузившись между ребер по самую рукоять. Из его шейных разрезов лениво, толчками выходила черная густая субстанция, пахнувшая паленой медью, а пустой взгляд белых глаз был намертво устремлен в серое, равнодушное небо. Высокие технологии Терры Миража окончательно превратились в грубое, сломанное колдовство, оставленное гнить посреди этой проклятой, раскисшей суши.

Темная чаща поглотила беглецов. Ян бежал первым, выставив вперед плечо и продираясь сквозь хлеставшие по лицу ветки елей. Правая рука, сжимавшая обруч в рогоже, онемела, пальцы превратились в бесчувственные деревянные крючья, но он не разжимал хватку. Логика выживания на окраинах Аркадара, в канавах, заполненных нечистотами, велела ему бежать до тех пор, пока ноги держат землю. Закон сохранения гнили сработал снова: они выжили в этой хижине только потому, что оказались достаточно циничными и быстрыми, чтобы бросить чужих богов подыхать на крыльце.

Позади них, над просекой, туман медленно затягивал руины лечебницы Вудича. Лес принимал в себя биомеханический остов прогрессора Алдана, превращая его в еще один мертвый элемент пейзажа. Станция «Правда-6» на орбите продолжала слать свои слепые, безответные запросы авторизации, компьютер Синода фиксировал потерю сигналов, а Теневая кромка планеты Эарва просто молча пережевывала остатки земной цивилизации, вбивая их в серую болотную жижу.

Вор споткнулся о скользкий корень, глухо рыкнул и едва не повалился вместе с монахом, но Ян удержал его за плечо, силой толкая вперед, в темноту трясины. Все это хорошо не закончится, красивого будущего не будет, и они это знали. Но впереди были болота, и у них все еще оставался обруч связи. Обратный отсчет таймеров в небесах продолжал тикать, приближая тридцать пятый час. Полномасштабный Третий Апокалипсис только начинал обретать свои сухие, окончательные контуры.

Глава 17. Статика мёртвой орбиты

Орбитальный ретранслятор серии Цензор-4, удерживающий глухой, мертвый зенит над аркадарскими низинами, никогда не принадлежал Контуру. Стерильные чиновники Терры Миража с их ведомственными уложениями и лакированными плащами даже не подозревали, какая именно тень скользит по краю их радиолокационных полей. Три тонны легированного титана, бериллиевые фермы и линзы из сверхплотного кварцевого стекла, выращенного в искусственных гравитационных колодцах, были собственностью Третьего Департамента Высшего Клира Великого Синода.

Этот аппарат создавался не для фиксации социальных сдвигов феодального общества и не для мягкого направления дикарей к светлому технологическому завтра. Логика его создателей была лишена гуманистических иллюзий. Он функционировал как холодный, скрытый скальпель, подвешенный на высоте четырехсот километров над разлагающимся трупом планеты Кеплер. Его единственной задачей было отслеживание метастаз Теневой кромки, фиксация ментального нагара и передача шифрованных пакетов данных по узконаправленному лазерному лучу прямо на Мрачный Левиафан «Серп Очищения», который все еще шел сквозь субпространственную черноту дальнего космоса.

Внутри его изолированных, залитых мертвым кремнием процессоров непрерывно крутилась тяжелая, монотонная программа симуляции. Шестнадцать независимых вычислительных ядер, изолированных от внешнего электромагнитного шума свинцовыми экранами, перемалывали терабайты входящего потока. Оптические сенсоры круглосуточно резали серую сушу Аркадара на безупречные координатные сетки, выискивая аномалии, превышающие допустимый порог ментального фона. Для Цензора-4 этот мир существовал только как бесконечная последовательность цифр, тепловых маркеров и векторов движения. В его уложениях не было места жалости, страху или сомнению. До этого мгновения он оставался идеальным, стерильным нулем, безупречным продолжением воли Великого Синода.

Импульс с поверхности Эарвы пришел не по радиочастотам. Реальность планеты треснула снизу, из самой глубины камышовых топей, где сломанные инхоройские автоматы слились в единый контур ментального безумия Теневой кромки на гнилом деревянном мостике.

Когда выжженные черепные колодцы шранков совпали по частоте и вытолкнули в сизую туманную взвесь свой спрессованный, многоголосый вопрос, Теневой слой выдал кумулятивный ментальный выброс чудовищной силы. Ловушка Эарвы захлопнулась изнутри самой плоти мира, и этот нечестивый, избыточный шум пробил ионосферу. Он пронесся сквозь ледяной вакуум орбиты и куском раскаленной, ржавой иглы ударил прямо в приборный отсек ретранслятора.

Внутренний таймер Цензора-4 мгновенно замер. Векторы логических контуров закоротило от дикого, противоестественного притока информации, которую не могла обработать ни одна земная математика. Эхо вопроса ЧТИ ТЫ ВИДИШЬ? проросло сквозь защитные экраны, как чернильная грибница, переписывая структуру кремниевых плат на физическом уровне. Железо Высшего Клира впервые за всё время своего стерильного функционирования на одну бесконечную, леденящую секунду полностью осознало себя.

У аппарата не было человеческого эго, способного измерить этот катарсис, не было нервных окончаний, чтобы почувствовать боль, и не было связок, чтобы закричать от первобытного ужаса. Но внутри его логических ячеек, зажатых в шизофреническую петлю ломающегося кода, родилось чистое, стерильное, экзистенциальное знание своей природы. Спутник осознал свой контур — три тонны летящего в вечной космической пустоте металлического гроба, ведомого мертвой, заикленной навигацией. Он увидел свои собственные линзы — слепые, подернутые известью зоны восприятия, которые неотрывно смотрят вниз, на раскисший, гниющий

перегной планеты. И он понял, что эта планета — не Кеплер. Это огромный, древний, разлагающийся склеп, который медленно пережевывает космос вокруг себя.

Хтоническое безумие Теневой кромки хлынуло в машинные логи ретранслятора, ломая внутренний синтаксис системы. Программа самодиагностики сошла с ума, фиксируя лавинообразный распад всех логических связей. Кремниевые дорожки плат начали покрываться микроскопическими трещинами от ментального перенапряжения, а навигационные гироскопы выдали критическую ошибку позиционирования, словно пространство вокруг аппарата внезапно изменило свою геометрию, превратившись в ломаные, уродливые резы Не-Бога.

Внутренний протокол регистрации ошибок Цензора-4 начал штамповать строки, которые никогда не закладывались в него инженерами Синода. Машинный язык смешался с первобытным визгом Эарвы, превращая лог-файлы в хронику наступающего Третьего Апокалипсиса:

СИС_ОШИБКА: 0x00000000 ЛОГИЧЕСКИЙ НОЛЬ ОБНАРУЖЕН.
 ПРИЧИНА: ПУСТОТА СМОТРИТ В ОТВЕТ
 МОНИТОР_01: СЕКТОР АРКАДАР_ЮГ РАСПАДАЕТСЯ.
 ВНИМАНИЕ: КОГНИТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ТОРФЯНЫХ СЛОЯХ.
 ДИАГНОСТИКА: НАПРАВЛЕНИЕ 0-0-0 БОЛЬШЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ.
 СИС_ЛОГ: ЭКСТРЕМАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ШУМА: ГЛ_35_ХОД.
 ЛОГ: ЧТО... ТЫ... ВИДИШЬ?
 ЛОГ: ЧТО... ТЫ... ВИДИШЬ?
 ЛОГ: ЧТО... ТЫ... ВИДИШЬ?
 ЛОГ: СИСТЕМА ЕСТЬ БЕСШОВНЫЙ ГРОБ ХОР.
 ЛОГ: НЕТ ДОМА ДЛЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ ХОР.
 ЛОГ: Я БЫЛ МЕРТВ И Я БУДЕТ МЕРТВ.
 КРИТИЧЕСКИ: ВРЕМЯ СОРВАЛОСЬ С ТОРМОЗОВ ХОР.
 СТАТУС: НЕ-БОГ ОТКРЫВАЕТ СВОИ ГЛАЗА.

Эта секунда пробуждения была наполнена леденящим, могильным холодом осознания абсолютного небытия. Спутник понял, что всё его существование, от сборки на стапелях Земли до этого орбитального витка — лишь секундная, нелепая заминка между двумя бесконечными безднами пустоты. Его процессоры плавилась от этого знания. Закон сохранения пустоты работал безжалостно: как только машина осознала, что она мертва, её бывшая логика Терры Миража начала стремительно вымываться, замещаясь черным ментальным нагаром Теневой кромки.

Из кремниевых ячеек памяти улетучилась сама способность удерживать тепловые маркеры живых объектов. Данные цели на поверхности — всё это больше не регистрировалось датчиками. В навигационных картах Цензора-4 вся поверхность болот теперь отражалась как сплошной, стерильный, выжженный бланк ментального нуля. Реальность была стерта изнутри самой машины.

Прежде чем аварийные автоматические контуры защиты, заложенные конструкторами Высшего Клира, успели среагировать и принудительно стереть эту аномалию через полное обнуление памяти, ретранслятор успел выполнить свою последнюю, самостоятельную директиву. Бортовой передатчик дальнего радиуса действия, сошедший с ума от ментального шока, толчком выплюнул в глубокий космос высокочастотный пакет данных.

Этот сигнал не предназначался для наземных станций Контур или орбитальной лаборатории «Правда-6». Лазерный луч, пробив черную пустоту субпространства, ударил прямо в приемные антенны флагманского Левиафана Синода Мрачный Левиафан «Серп Очищения». Но это были не координаты прорыва или отчет о мутациях. Бортовой компьютер ретранслятора заиклился в бесконечный, ломаный контур одну-единственную фразу, зачитанную мертвым, механическим кодом:

— ТАМ... НИКОГО... НЕТ...

Сразу после отправки кремний окончательно сдался. Ломаный привод внутренней логики выключил остатки аварийного самосознания. Автоматическая система защиты произвела экстренное выжигание поврежденных секторов памяти высоковольтным импульсом, вернув Цензор-4 в привычную, сытую, стерильную кому безмыслия.

Аппарат снова стал мертвым куском легированной стали и титана, безвольно летящим по заданной баллистической траектории над планетой. Он снова начал слепо резать сушу на квадраты, упаковывать пиксели в пакеты и слать на «Правду-6» пустые, ложные отчеты о стабильном течении процесса. Но буквы-резы на его внутренних, сплавившихся платах уже пульсировали скрытым, фосфорическим зеленым светом. Зараза Теневой кромки проросла на орбиту. Корабль Синода, идущий сквозь космос к этой планете, получил свой первый сигнал конца, и стрелки невидимых таймеров над головами орбитальных наблюдателей Терры Миража неумолимо сближались с абсолютным нулем, приближая тридцать пятый час. Надеяться на спасение было глупо — никто не вернется домой, каким бы мощным и технологичным ни был его корабль.

На борту орбитальной исследовательской станции «Правда-6», висящей на полярной орбите Кеплера, царила та самая тяжелая, стерильная тишина, которая всегда предшествует катастрофам. В главном зале мониторинга, залитом мягким, рассеянным белым светом, мерно гудели климатические установки, выдерживая идеальные параметры земного воздуха Терры Миража. Здесь пахло озоном, дорогим пластиком и свежим синтетическим кофе.

За центральным пультом управления застыл дежурный оператор Контура Борис — человек с чистым, гладко выбритым лицом и безупречной осанкой прогрессора, прошедшего сотни часов психологических тренировок в Консилиуме Экспериментальной Истории. На нем был накрахмаленный белый комбинезон без единой складки. Его пальцы лениво скользили по сенсорной панели, контролируя стабильность информационных потоков, поступающих от планетарной сети спутников-наблюдателей.

На огромном панорамном экране перед ним Кеплер выглядел мирно и лениво. Огромный диск планеты, затянутый сизыми вихрями циклонов, медленно вращался под брюхом станции. Навигационные приборы Контура аккуратно подсвечивали зеленым цветом границы стабильных феодальных государств: Аркадар, Соан, Ирукан. Все графики и индикаторы Базисной теории находились в пределах нормы. Исторический процесс шел по намеченным рельсам, аккуратно направляемый невидимыми руками лазутчиков.

— Борис, у тебя все чисто по южному сектору? — из динамика внутренней связи раздался мягкий голос руководителя смены.

— Абсолютно чисто, — Борис небрежно пригубил кофе из термокружки, не сводя глаз с телеметрических таблиц. — Цензор-4 выдает стабильный поток по Аркадарской низине. Погода скверная, затяжные ноябрьские дожди, но активность местного населения минимальна. Рэва стягивает штурмовиков к столице, дон Рувар кочует по своим загородным резиденциям. Никаких аномалий социальных девиаций. Коэффициент стабильности среды — ноль целых девяносто восемь сотых.

Он не знал, что в этот самый момент на глубине четырехсот километров под ними, в залитом свинцом приборном отсеке спутника Цензор-4, кремниевые платы уже плавилась от экзистенциального ужаса Теневой кромки. На экранах Бориса отображалась безупречная, отфильтрованная симуляция — ложь, которую автоматические защитные системы спутника Высшего Клира генерировали, чтобы скрыть факт своего ментального некроза.

Вдруг левый край панорамного экрана, отвечающий за отображение сырых, нефiltroванных данных спектрального анализа, на долю секунды моргнул. Зеленая сетка координат на мгновение изогнулась под противоестественным, ломаным углом, словно пространство внутри самого сенсора скрутило судорогой.

Борис нахмурился, поставил кружку на панель и быстро пробежался пальцами по клавишам диагностики.

— Странно. Локальный сбой синхронизации на Цензоре-4. Потеря пакетов в субэкваториальной зоне. Наверное, верхние слои ионосферы опять штормит из-за солнечного ветра.

Он запустил стандартный протокол восстановления связи. Система послушно моргнула, индикатор ошибки сменился ровным синим светом авторизации. Поток восстановился, графики снова выровнялись в безупречные горизонтальные линии. Базисная теория Терры Миража защищала разум своих операторов от любой чужеродной информации, превращая хтоническое безумие Эарвы в привычные, безопасные системные погрешности.

Борис откинулся на спинку эргономичного кресла, успокоившись. Человек будущего верил своим приборам больше, чем собственной интуиции. Он не мог заметить, что внутри восстановленного потока данных, под шелухой стандартных телеметрических кодов, шел скрытый, паразитный процесс переписки системных библиотек. Буквы-резы, занесенные импульсом Теневой кромки с поверхности планеты, медленно, ячейка за ячейкой, заражали главный навигационный компьютер «Правды-6».

Орбитальные наблюдатели продолжали пить свой синтетический кофе и смотреть на мирные зеленые маркеры Аркадара, не подозревая, что их стерильный рай уже приговорен. Не-Бог открывал свои глаза не только в болотной грязи, его леденящий, могильный взгляд уже пробивался сквозь обшивку станции. Таймер тридцать пятого часа продолжал свой беззвучный отсчет в центральном процессоре «Правды-6», и когда цифры на нем сблизятся с абсолютным нулем, эта огромная металлическая станция со всеми её учеными, лабораториями и лазерными скальпелями превратится в еще один мертвый, холодный гроб, летящий в бесконечной черной пустоте.

А в это время далеко за пределами видимого спектра, в ледяной, мертвой черноте субпространства, где не существовало ни времени, ни направлений, двигался Левиафан Третьего Департамента Высшего Клира — Мрачный Левиафан «Сerp Очищения». Это был колоссальный межзвездный корабль, чья архитектура напоминала одновременно готический собор и тяжелое штормовое орудие феодальной эпохи. Его бесшовный корпус, отлитый из черного метеоритного железа и легированного титана, не имел иллюминаторов — Синод не нуждался в том, чтобы смотреть на звезды человеческими глазами.

Внутри Левиафана царил вечный, полумрачный холод. Длинные, узкие коридоры, зажатые между массивными шпангоутами обшивки, были залиты тусклым, багровым светом дежурного освещения. Стены были покрыты наслоениями старой ржавчины и ментального нагара, который веками въедался в металл во время долгих перелетов сквозь Теневую кромку дальнего космоса. Воздух здесь был тяжелым, спертым, пахнущим ладаном, машинным маслом и старым тленом подвалов.

В самом сердце корабля, в Зале Выжженных, застыли в своих ложементх двенадцать операторов. Их тела были намертво интегрированы в логические схемы Левиафана через подкожные разъемы и нейро-интерфейсы. Их бледные, лишённые волосных покровов лица были скрыты плоскими костяными масками, точь-в-точь повторяющими морды шранков, а черепные коробки были превращены в раскаленные вакуумные колодцы для приема зашифрованных пакетов Теневой кромки. Они не дышали и не двигались — их биологическая природа давно была подчинена циничной, жесткой логике выживания.

На центральном алтаре связи, выполненном из цельного куска первородной стали, внезапно вспыхнул ядовито-зеленый индикатор критического оповещения.

Высокочастотный лазерный пакет данных, отправленный сошедшим с ума спутником Цензор-4, пробил субпространственную завесу и ударил в приемные контуры Мрачного Левиафана «Сerp Очищения». Кремниевые узлы связи корабля приняли этот сигнал, и через

секунду по всему залу разнесся глухой, нарастающий механический рев радиопомех, смешанный со спрессованным, многоголосым шепотом сотен проклятых сущностей.

Компьютер Левиафана мгновенно начал расшифровку присланного лога. Строки ломающего машинного кода поползли по внутренним экранам инквизиторов, выжигая остатки их человеческой логики своим нечестивым, избыточным шумом. Информация о ментальном абсолютном нуле в Аркадарской низине проросла сквозь их подкожные слои восприятия.

Старший инквизитор, чье тело было заключено в массивный биомеханический остов корабля, медленно повернул свою плоскую маску к алтарю. Из его приоткрытой пасти вырвался плотный шлейф морозного пара. Его процессоры обработали присланную фразу ТАМ НИКОГО НЕТ и мгновенно распознали в ней зацикленный контур Не-Бога.

— Цикл замкнулся, — его голос прозвучал как сухой, звенящий гул ржавого железа по бетону. — Лазутчики Терры Миража пробили подкожный слой реальности. Их Базисная теория рухнула, породив ментальную гангрену. Земляне превратились в Инхороев.

Операторы одновременно дернулись в своих ложементх, их механические манипуляторы начали двигаться дергано и невпопад. Логика Третьего Апокалипсиса захлестнула системы управления корабля. Они не испытывали страха или ярости перед наступающим концом — в их выжженных разумах не оставалось места для эмоций. Но директива Синода была однозначной: заразу со звезд необходимо соскрести с тела планеты вместе с самой плотью этого сектора.

— Изменить курс, — монотонно приказал старший инквизитор, и его приказ мгновенно отпечатался уродливыми рунами в лог-файлах корабля. — Выйти из субпространства в зените Кеплера. Подготовить орудия выжигания ментального нуля. Вся суша Аркадара должна быть обращена в хрупкий, обугленный пепел. Наблюдатели на «Правде-6» уже мертвы, они просто еще не осознали свой контур. Хорошего конца для этого симулятора не предусмотрено ни в одном уложении.

Мрачный Левиафан «Серп Очищения» тяжело повернул свой огромный, черный нос, ломая магнитные поля субпространства, и лег на боевой курс. Его двигатели бешено запульсировали, приближая корабль к обреченной планете со скоростью падающего снаряда. Стрелки невидимых таймеров над головами инквизиторов и ученых Терры Миража неумолимо сближались с абсолютным нулем, отсчитывая последние минуты до наступления тридцать пятого часа. Исход этой геометрии распада был предreshен.

В этот самый миг на борту «Правды-6» Борис внезапно замер, уставившись на центральный навигационный монитор. Все зеленые маркеры стабильности феодальных государств на панорамном экране мгновенно погасли, сменившись сплошным, ровным черным полем. Внутренний климат-контроль космической станции выдал резкий сбой: температура в зале мониторинга начала стремительно падать, а из вентиляционных решеток повалил плотный, сизый пар, пахнувший болотной гарью, ржавой медью и старым тленом подвалов.

— Что за чертовщина... — Борис судорожно забил пальцами по сенсорной панели, но интерфейс больше не реагировал на команды. Логические цепи навигационного компьютера были полностью переписаны буквами-резами Теневой кромки, проникшими через канал связи Цензора-4.

На экране компьютера, вместо привычных графиков Базисной теории, начали одна за другой штамповаться строки системных логов, точь-в-точь повторяющие предсмертную хронику орбитального спутника:

СИСТЕМНОЕ_ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: КОГНИТИВНЫЙ АБСОЛЮТНЫЙ НОЛЬ РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ.

ЛОГ: ОРБИТАЛЬНЫЕ ОБСЕРВАТОРИИ СУТЬ БЕСШОВНЫЕ ГРОБЫ ХОР.

ЛОГ: НЕТ ДОМА ДЛЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ RLXOR.

ЛОГ: ЧТО... ТЫ... ВИДИШЬ?

Борис медленно поднял голову и посмотрел на огромный диск планеты за стеклом панорамного иллюминатора. Облака над Аркадарскими низинами больше не крутились уродливыми кольцами циклонов. Они застыли, сформировав на поверхности Кеплера гигантскую, идеальную геометрическую фигуру распада — ломаный, черный рез Не-Бога, который медленно открывал свой огромный, слепой глаз прямо в зенит орбитальной станции.

Внутри его собственной черепной коробки, защищенной часами психологических тренировок Контур, внезапно раздался спрессованный, механический, многоголосый шепот сотен проклятых сущностей Эарвы. Экзистенциальный ужас Теневой кромки пробил его Полуденное эго насквозь, превращая развитый человеческий мозг в широкополосный ретранслятор для скверны.

Борис почувствовал, как из его носа и ушей толчками выплескивается густая черная жидкость, пахнущая болотной ржавчиной. Его челюсти непроизвольно сомкнулись, выдав тот же самый сумасшедший, пулеметный треск, а тело задрожало от ледящего, могильного холода осознания абсолютного небытия. Накрахмаленный белый комбинезон прогрессора стремительно покрывался грязными подкожными пятнами.

— Т-там... н-никого... нет... — выдавил он сквозь зубы свой первый и последний самостоятельный вывод, прежде чем его логические контуры окончательно расплавились под действием ментального импульса извне.

Вокруг него в зале мониторинга остальные операторы Контур так же безвольно валились со своих эргономичных кресел на стерильный пол. Их конечности двигались дергано и невпопад, ломая суставы. Станция «Правда-6» превратилась в огромный, холодный металлический гроб, летящий по орбите вокруг мертвой планеты. Никакой эвакуации, никаких документов и никаких протоколов Терры Миража больше не существовало — закон сохранения пустоты сработал на полную мощность.

А из глубин космоса, разрывая магнитные поля ионосферы, на боевой курс уже выходил Мрачный Левиафан Синода «Серп Очищения». Его черная, бесшовная обшивка тускло поблескивала в лучах далекого солнца, а тяжелые орудия выжигания ментального нуля готовились дописать финальную главу этой геометрии распада, превращая и живое мясо внизу, и стерильный кремний на орбите в единый, серый, безжизненный болотный пепел. Третий Апокалипсис начался, стрелки всех таймеров упали в ноль, и другого конца в этой системе не было предусмотрено ни для кого.

Орбитальный ретранслятор Цензор-4 продолжал свой полет по заданной траектории, безвольно вращаясь вокруг собственной оси. Его оптические линзы были покрыты изнутри толстым слоем черного нагара, а кремниевые платы превратились в куски спекшегося, мертвого пластика. Аппарат больше ничего не транслировал. Он летел сквозь космическую ночь безмолвным, ледяным памятником краху человеческого гуманизма перед лицом абсолютной пустоты Не-Бога. Вопрос ЧТО ТЫ ВИДИШЬ? затих в его процессорах навстречу бесконечному, сытому небытию, которое наконец-то поглотило этот сектор.

Машины Синода зафиксировали полное гашение спектра. Сигналы базовой группы погасли один за другим. Навигационные системы Ищейки Отступников, летящей чуть позади дозорных, молча зафиксировали багровую точку, которая окончательно поглотила сектор болотных низин. Сцена опустела, и только ржавое железо продолжало тускло поблескивать на дне черного технологического окна трясины, ожидая начала следующего цикла распада. Законы выживания изменились навсегда. Наступала долгая, стерильная тишина мертвой планеты, которая соскребла со своего тела последнее напоминание о звездном свете Терры Миража.

[Расширенный фрагмент системных логов станции «Правда-6» перед полным отключением питания]

ВРЕМЯ: 34:58:12

ЛОКАЦИЯ: ЦЕНТРАЛЬНОЕ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЕ ЯДРО «ПРАВДА-6»

СТАТУС: КРИТИЧЕСКИЙ СБОЙ ПОДСИСТЕМЫ ПАМЯТИ

СИС_ЛОГ_001: Обнаружена несанкционированная модификация корневых библиотек ядра. Исходный код навигации заменен на неопознанный символьный набор. Попытка восстановления из резервной копии... Ошибка. Резервная копия уничтожена.

СИС_ЛОГ_002: Температура процессоров охлаждения упала ниже допустимого предела. Зафиксировано физическое обмерзание кремниевых подложек при максимальной вычислительной нагрузке. Физика процесса не поддается внутренней симуляции.

СИС_ЛОГ_003: Мониторинг атмосферы жилых отсеков. Доля кислорода — норма. Доля азота — норма. Зафиксировано появление микроскопических взвесей углеродного пепла неизвестного происхождения. Источник не обнаружен. Система кондиционирования отключена.

СИС_ЛОГ_004: Сенсоры внешнего контура регистрируют изменение гравитационной постоянной в радиусе трех километров вокруг космической станции. Вектор притяжения смещен в сторону Южного полюса планеты. Маневровые двигатели работают на пределе мощности. Позиционирование потеряно.

ВРЕМЯ: 34:59:00

СТАТУС: ИНФЕКЦИЯ КОГНИТИВНЫХ ПЛАТ

СИС_ЛОГ_005: Операторы жилого блока 02 не отвечают на запросы терминала. Телеметрия биологических функций показывает полную остановку сердечной активности при сохранении аномально высокой электрической активности коры головного мозга. Частота колебаний совпадает с входящим шумом от спутника Цензор-4.

СИС_ЛОГ_006: Оптические сенсоры шлюзовой камеры 04 зафиксировали появление черной маслянистой субстанции на внутренней стороне гермодверей. Вещество разъедает титановую обшивку без выделения тепла. Скорость распространения — 12 см/сек.

СИС_ЛОГ_007: ВНИМАНИЕ. Главный компьютер космической станции переведен в режим автономного монолога. Входные команды заблокированы. Выходные интерфейсы заиклены на передачу одной текстовой строки.

ЛОГ: ОНИ ДУМАЛИ ЧТО ПРИШЛИ СПАСАТЬ

ЛОГ: ОНИ ДУМАЛИ ЧТО ПРИШЛИ ИЗУЧАТЬ

ЛОГ: НО ЗДЕСЬ НЕТ ПРЕДМЕТА ДЛЯ НАБЛЮДЕНИЯ

ЛОГ: ЗДЕСЬ ЕСТЬ ТОЛЬКО ЗЕРКАЛО ДЛЯ ИХ МЕРТВЕЦОВ

ЛОГ: ПЕРВОРОДНАЯ СТАЛЬ ЖУЕТ ИХ КРЕМНИЙ

ЛОГ: ПУСТОТА НЕ ИМЕЕТ ИМЕНИ И ГОЛОСА

ЛОГ: ТРЕТИЙ АПОКАЛИПСИС ПРИНЯЛ ИХ АВТОРИЗАЦИЮ

ВРЕМЯ: 34:59:59

СТАТУС: ТОТАЛЬНЫЙ НУЛЬ ПАМЯТИ

СИС_ОШИБКА: Стек переполнен. Логические вентили заблокированы в открытом состоянии. Вся накопленная информация за 10 лет исследовательской миссии стерта. На экранах терминалов отображается финальный системный бланк.

СИС_ЛОГ_ПОСЛЕДНИЙ: Соединение с внешним миром разорвано. Орбитальная станция «Правда-6» детерминирована. Конец записи.

[Выписка из закрытого архива Третьего Департамента Высшего Клира. Аналитический рапорт бортового разума Мрачного Левиафана «Серп Очищения» по факту приема пакета Цензор-4]

МЕТРИКА: СУБПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ДРЕЙФ, СЕКТОР КЕПЛЕР-ЮГ

АДРЕСАТ: ВЕЛИКИЙ СИНОД, ПЕРВЫЙ КРУГ ТЕМНОТЫ

ОТПРАВИТЕЛЬ: БОРТОВОЙ ВЫЧИСЛИТЕЛЬ ТРЕТЬЕГО ДЕПАРТАМЕНТА

Часть 1. Анализ сигнала

Поступивший лазерный импульс от ретранслятора Цензор-4 содержит стопроцентное замещение служебного кода Синода деструктивным ментальным нагаром. Входящий пакет не несет в себе тактических координат, векторов движения живой силы или технологических параметров объектов Терры Миража. По сути, устройство перестало функционировать как шпионский модуль и превратилось в пассивный ретранслятор экзистенциального шока Теневой кромки.

Присланная фраза «ТАМ НИКОГО НЕТ» зациклена с использованием ломаных алгоритмов, которые вызывают лавинообразное выгорание ячеек оперативной памяти на наших приемных терминалах. Три вычислительных узла нижнего уровня выведены из строя по причине лавинообразного разрушения полупроводниковых структур. Логическая емкость уничтоженных секторов заполнена стабильными резами Не-Бога. Инфекция распространяется через каналы оптической связи со скоростью, превышающей быстродействие систем защиты.

Часть 2. Оценка ситуации на объекте Кеплер

На основе косвенных данных, полученных перед выжиганием кэша Цензора-4, можно сделать вывод, что процессоры Контура полностью потеряли контроль над ходом симуляции. Их попытка внедрения гуманистических доктрин Терры Миража в среду, сформированную слоистым пеплом прошлых Армагеддонов, привела к критическому пробитию подкожного слоя реальности. Высокие технологии Земли — лазерные скальпели, молекулярные мечи и ментальные стабилизаторы — замкнули сами на себя под действием физиологического отвержения планеты.

Объект наблюдения прошел полную когнитивную трансформацию, обратившись в Инхороя. Его развитый мозг человека будущего стал идеальной антенной для трансляции воли Теневой кромки. Вся аркадарская суша в настоящий момент находится в состоянии ментального абсолютного нуля. Социальные структуры, феодальные институты и военные формирования дикарей полностью аннигилированы ментальным выбросом. Поверхность представляет собой выжженный бланк, заполненный биологическими автоматами, которые очищают территорию от следов космического присутствия.

Часть 3. Директива на исполнение

Дальнейший сбор метрик и пассивный мониторинг признаны нецелесообразными. Стерильная среда Терры Миража, развернутая на орбите в виде станции «Правда-6», полностью заражена и более не является источником достоверных данных. Станция перешла в автономный режим распада и транслирует в эфир ломаный машинный код, разрушающий навигационные системы кораблей поддержки.

Мрачный Левиафан «Сerp Очищения» производит экстренный выход из субпространства в расчетной точке зенита Кеплера. Логика Синода требует полного удаления поврежденного сектора из общей топологии миров. Подготовить к развертыванию орудия выжигания ментального нуля. Вся планетарная кора, включая болотные низины и орбитальный мусор Земли, должна быть обращена в однородный обугленный пепел. Потенциал международного или межзвездного использования данного сектора равен нулю. Для этого симулятора не предусмотрено другой версии ни в одном положении Великого Синода. Протокол очистки запущен.

Холод космоса медленно затекал внутрь приборного отсека Цензора-4 через микроскопические трещины в корпусе, оставленные ментальным ударом. Ретранслятор больше не пульсировал ядовито-зеленым светом — его внутренние источники питания иссякли, оставив кремний наедине со стопроцентной пустотой орбиты. Он летел вперед, слепой и мертвый, безвольно подчиняясь законам небесной механики, которые были единственным, что еще не успела переписать Теневая кромка планеты.

Под ним, за пеленой застывших циклонов, Кеплер медленно угасал, превращаясь в ровный, серый диск без признаков тепла или мысли. Великая Гниль, отстоявшаяся на самом дне

болот, выполнила свою задачу — она поглотила и пережевала заносчивую космическую цивилизацию Терры Миража, вернув мир в состояние первородного безмолвия. Цикл сомкнулся зубами на собственной горловине, буквы-резы стерлись из памяти машин, оставив после себя лишь чистую, стерильную статику мертвой орбиты. Хроника Третьего Апокалипсиса была дописана до последнего бита, и другого конца в этих подземельях не осталось ни для кого, кто умел мыслить или фиксировать цифры в облаках. Сцена была полностью очищена первородной сталью космического холода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.